

The background of the book cover is a vibrant, abstract composition of overlapping geometric shapes, primarily squares and triangles, in shades of red, blue, green, and orange. In the center, there is a stylized, textured face with a pale complexion. The face has a single visible eye with a bright green iris, and two small, circular green marks on the cheeks that resemble rosy cheeks or perhaps small eyes. The overall texture is painterly and expressive.

18+

Молчание вдеребезги

КАК НАПИСАТЬ И ПОТЕРЯТЬ РОМАН

Марина Луговцова

Марина Лугавцова
Молчание вдребезги. Как
написать и потерять роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67597880
ISBN 9785005637475

Аннотация

Приступая к чтению «Молчанья вдребезги», запаситесь картой Васильевского острова, мягким и теплым пледом, чашкой кофе или какао, воспоминаниями из детства и юности, романтикой прошлого и стопкой ассоциаций с японским искусством. Сквозь время и пространство отправляйтесь с автором и ее соавтором на поиски уже написанного, но пока не утраченного романа «Градо», окунитесь в магию словесных узоров и всполохов памяти, ощутите тяжесть потери и радость узнавания, легкую грусть и бесконечное счастье...

Содержание

Молчание вдребезги	5
От автора	6
Глава 1. Соавторы	13
С днем рождения, Гектор Луи Берлиоз	13
Первая встреча с соавтором	29
Черный кот на черной лестнице	36
Молчун Макс-Мартин вышел из подполья	39
Сборник рассказов «Сны из-под подушки графомана»	50
Молчание – серебро	61
Кое-что о тщеславии как двигателе сюжета	69
Заповедник «Сергиевка», да не один	32
Штурм замка ягуара	35
Космическая битва Солнца по имени Пейве	89
и Луны-матушки, что светит, да не греет	
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Молчание вдребезги

Как написать и потерять роман

Марина Лугавцова

При оформлении обложки использовано произведение художника Владимира Потекушина «Женщина-кошка».

Внутри текста авторские иллюстрации из графической серии «Набор открыток "С наилучшими пожеланиями от Тарасика Бильбао"»

Ольга Рыбина *Редактор*

Оксана Сизова *Корректор*

Мария Ведищева *Дизайнер обложки*

© Марина Лугавцова, 2022

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-3747-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Молчание вдребезги

Повесть о том, как написать и потерять роман

Приступая к чтению «Молчанья вдребезги», запаситесь картой Васильевского острова, мягким и теплым пледом, чашкой кофе или какао, воспоминаниями из детства и юности, романтикой прошлого и стопкой ассоциаций с японским искусством. Сквозь время и пространство отправляйтесь с автором и ее соавтором на поиски уже написанного, но пока не утраченного романа «Градо», окунитесь в магию словесных узоров и всполохов памяти, ощутите тяжесть потери и радость узнавания, легкую грусть и бесконечное счастье...

От автора

Это слишком правдивая и поэтому самая невероятная история из всех, что я знаю.

*Глава 3. «Алмазная строка»,
разговор с соавтором*

Приступив к созданию потерявшегося во времени романа «Градо», не сразу, но я смирилась с потерей контроля над событиями собственной жизни. Каждый день они выстраивались за моей спиной в шумную очередь, пытаюсь один раньше другого подбросить на письменный стол ворох символических подсказок и информационных крючков для самых неожиданных поворотов сюжета будущего романа. Мне запомнилось, как в позднее полуденное время первого дня декабря, перед тем как мысленно отрепетировать и записать набело сцену прощания главного героя Лариона Диманиса с Гением места Васильевского острова, я, никуда не торопясь, шла по нечетной линии Большого проспекта. В голове раскручивались финальные метры сюжетных линий – требовалось всего одно, самое последнее, усилие, чтобы закольцевать их в тороидальный бублик главного эпизода с восхитительной черной бездной контекста посередине. До последнего момента не зная, что выведет моя рука, я слегка притормаживала действие – ставила, как верстовые столбы, пунктирные ментальные паузы, сопротивляясь расставанию

с родными литературными душами и теми, кто причинил им, не стесняясь моего присутствия, столько горя.

Главный герой романа отдал близким и дальним все, что имел, спас родных, освободился от давления социума и должен был вот-вот совершить блаженный квантовый скачок в иную реальность. Мучительное состояние отложенной смерти отменялось, впереди маячил победный берег Чудского озера, а Васильевский остров исчезал из его жизни навсегда. Растворялся в ранних сумерках, уплывал за линию горизонта, как белое облако.

Облако! Я остановилась, будто споткнувшись, на углу проспекта и 15-й линии, вернее сказать – замерла в состоянии стазиса, кинув случайный взгляд на закатное небо. Прямо на моих глазах в воздушном пространстве плотные облака пришли в движение и сооружали почти настоящую театральную сцену, закрытую почти настоящим занавесом с малиновым сияющим узором в цвете доброго скорпиона из японской долины Валдора, давнего знакомого любимого писателя Кэндзи Миядзава. Плавным взмахом занавес поднялся, и я увидела стоящую на авансцене фигуру демиурга Максимилиана. Он красовался перед единственным зрителем в горделивой позе, задрал подбородок, и был явно доволен произведенным эффектом, забыв о собственном позоре и изгнании. «Помаши рукой, если слышишь», – мысленно обратилась я к не самому приятному персонажу. И он услышал – несколько раз изящно помахав в ответ рукой.

Небесная подсказка высветила из темноты подсознания всех участников финала, расставила их по своим местам, зарядила свежей энергией вдохновения, и я бегом, пока все не расплескалось внутри, помчалась к письменному столу. Благо не далеко.

Эта сцена полностью перенесена в последнюю главу романа. На его страницах, как в небе над набережной лейтенанта Шмидта, открывается миру настоящий облачный театр в пурпурных красках заходящего солнца, с нежным сине-голубым просветом чистого неба и тонкими теплыми линиями дыма от районной ТЭЦ. Ее три трубы в виде высокой западной короны заметны из любой точки острова, а горячий дым расцветивает белой скорописью Покраса холстину холодного неба над зимней акваторией Невы. Картина изменчивой красоты застыла на несколько драгоценных секунд. Занавес опустился, и все исчезло, как не бывало. Надо мной опять нависало серое пастбище с плотными рядами облачных баранов.¹

Когда создаешь повесть для тех, кто хочет написать отличный роман и не сойти с ума из-за порушенного привычного уклада жизни, хочется сразу же с первых строк подбодрить, вдохновить и предупредить смельчака, что он вступает на дорогу, где каждый шаг оплачен потерями. Никто не даст гарантий, что ты нынешний, выплеснувший синеву глаз в ру-

---

¹ Покрас Лампас – российский художник-каллиграф, работает в стиле «каллиграфуризм», каллиграффити.

кописные невиские воды, будешь умнее, добрее и привлека-
тельней себя вчерашнего. Скорее, наоборот. Не хотелось бы,
чтобы читатель сразу утонул в бесконечных именах героев
«Молчанья вдребезги» – а иногда один и тот же персонаж
имеет их несколько, а также раньше времени разочаровался
в сюжете и не дочитал повесть до конца.

Роман «Градо» читать не обязательно, но некоторое пред-
ставление о его действующих лицах желательно получить.
За что я люблю магический реализм, так это за полную сво-
боду авторской фантазии и жанровую всеядность будущего
произведения. Этот творческий метод безболезненно вплав-
ляет все разнообразие литературных правил, поэтому во из-
бежание запутанных объяснений кто есть кто одолжим для
повести такой полезный путеводный элемент, как список
действующих лиц. Итак,

Действующие лица повести «Молчание вдребезги»

Агния, она же Кара, или Кара-тян – автор романа «Градо»;

Мартин – друг и соавтор Агнии;

Штольц – муж Агнии, дипломированный этнограф и му-
зейный работник;

Феодора Мотуз, она же Феня, или Феникс – подруга Аг-
нии, актриса;

Леон, Леончик, Леонид, или Ленька-provokator – зака-
дычный приятель Агнии, театральный критик;

Серж Немиров – друг детства Агнии;

Зина, или мудрейшая Зу-без-головы – анаконда из кол-

лекции Зоологического музея;

Агафоно-сан, бывший Гинза – книжный червь;

Мими Савраскина – библиотечная крыса, доктор подземных наук, агент иностранной разведки;

Тарасик Бильбао – музейный ящер, реставратор, график, мастер камнерезного искусства и осиротевший тайный питомец министра иностранных дел Российской империи Владимира Николаевича Ламсдорфа;

Лили Марлен, она же Мебу-но Отодо – названа в честь знаменитой старшей фрейлины Внутреннего дворца. Является ее прямым потомком. Родилась в здании бывшей имперской библиотеки в Уэно, ученица Агафоно-сан и друг Мартина.

Основные действующие лица романа «Градо», без упоминаний о которых автору повести не обойтись

Ларион Демушкин, творческий псевдоним Диманис – художник и просто хороший человек, перепутавший в жизни взлеты и падения;

Лиза Демушкина – жена Диманиса, искусствовед и, по выражению одного из героев романа, «самая прелестная и богатая латифундистка северо-западного региона»;

Мефодий Демушкин, компьютерный игрок Мефисто – сын Лизы и Лариона;

Григорий Стороженко – друг Диманиса, букинист, полиглот и, как оказалось, талантливый чернокнижник – ученик того самого Григория Отрепьева, владевшего магией лапон-

цев;

Адриан Домицин – друг детства Лариона, живет в соседнем дворе, инженер-судостроитель на Балтийском заводе;

Ангелина, Геля, Гелечка Домицина – его жена, медсестра районной василеостровской больницы;

Максимилиан, он же Максим Леонтьевич Свешников – владелец заповедной усадьбы, в прошлом – архитектор;

Егор Горностаев, или Гор Всесильный – бывший сокурсник Лариона, владелец архитектурного бюро, коллекционер, мастер декоративно-прикладного искусства высокого класса;

Алексей, или Алексис – кузнец, владелец мастерской «Красная кузня», соратник Лариона по творческому объединению «Дремучие пни Отечества»;

Игорь Сивиков – владелец галереи «Кабинет доктора Калигари»;

Павлуша Иванович – арт-директор галереи;

Диоген – городской сумасшедший и не только;

София Генриховна Мариенгоф – поэт и библиограф детской районной библиотеки, на пенсии;

Серафима Петровна Бубликова – учительница Диманиса по русскому языку и литературе, подруга его мамы;

Натали Демушкина – мать Лариона Диманиса, учитель математики;

Юрий Демушкин – отец Лариона, капитан 3-го ранга, герой-подводник;

Кот Кузя Корабельный, он же дипломат Кантакузин – живет на ледоколе «Красин» и служит по дипломатической части в администрации Гения места;

Рекс Собакин – служебная овчарка, друг Лариона, заботится о своей злобной хозяйке Шуре, потому что больше никому;

Шура Агафонова – местная василеостровская гарпия, от которой окружающим одни неприятности;

Арсения – волчица хорошего мифологического происхождения, тайная поклонница Рекса;

Господин Ламех – главный и единственный садовник в усадьбе Максимилиана;

Пьер и Марсель – малютки фавны, сбежавшие в заповедник «Сергиевка» с картины художника Боннара «Весна»;

Гений места – пес Цербер. Можно познакомиться со всеми тремя головами сразу. Смотрите, не перепутайте. Слева направо – Серый, Беляш и Черныш.

До скорых встреч на Васильевском острове!

Глава 1. Соавторы

С днем рождения, Гектор Луи Берлиоз

*Без шлифовки и алмаз не блестит.
Японская поговорка*

Левая рука дрогнула. Растопырив пошире задрожавшие от нетерпения пальцы-перья, она зависла над клавишей, подобно ясноокому соколу царя Саргона на охоте в окрестностях Дур-Шаррукина. На экране мелькнул заветный часток единиц, и указательный палец со сломанным ногтем обрушился на точку в черном пластмассовом квадрате. Вот и все. Роман «Градо» окончен в 21 час 11 минут 11 декабря 2018 года.

Я с восторженным улюлюканьем перепрыгнула через разрушенную ежедневной писаниной стену книжной крепости, поставила копытом ментального скакуна невидимую печать «прочитанному верить» на пламенеющей рукописи и... приготовилась к блаженству заслуженного праздника.

Увы! Вокруг меня мир не вспыхнул яркими огнями и не завертелся с бешеной скоростью карусели. Над головой медленно сгущался тяжелый морок повседневности:

все те же привычные шорохи по углам, запах грейпфрута из чашки с остывшим чаем и кусачий шарф из шерсти монгольского яка, обнимающий шею с воспаленным горлом.

По давней вредной привычке я отщелкала пальцами последние такты траурного марша – имею право – конец истории без Фукуямы – и с последним ударом откинула подальше от стула уютный плед, сотканный из порывов норд-оста за окном, скрипа ржавых ворот в дворовой арке, собственного сопения и легкого дыхания соавтора, утонувшего в ловушке кресла с потертой клетчатой обивкой. Волнение потихоньку угасало, натолкнувшись на безразличие окружающего мира.²

– А ведь мы, Мартин, не каждый день романы дописываем.

– Можно сказать, первый раз. Привалило по полторашке сметаны с верхом. Полный букет Мюр-Мерилиза у нас нарисовался. Что ты там вчера про цветок с буквами на прозрачных лепестках бормотала? Вроде как огромная лиловая хризантема у тебя во сне расцвела под утро? Красуется около Аничкова моста, лепестками прозрачными к солнцу расцветному тянется...

– Не около, а прямо на середине моста она выросла – ну, вроде борщевика заморского на задворках Ленинградской области. Листья звенят на ветру, а корни полощутся

---

² Ф. Шопен, третья часть сонаты для фортепиано №2 си-бемоль минор, ор. 35 (1839).

в мутных водах Фонтанки, как нечесанные космы Дайкидзина. А между корнями рыбки в прятки играют. Вот как мне все привиделось.³

– Слыхал я, что в Японии принято шепотать на ушко садоводу: «Пока не вырастишь сто хризантем, не получишь красивого цветка». А у тебя только один цветок и вырос. Да и то во сне. И зачем надо было карабкаться с закрытыми глазами за чистым лепестком? Спала бы себе и спала. Ведь отняли у тебя ловкачи добычу...

– Обычное дело, – пробурчала я. – Здоровая конкуренция. Даже во сне, как пишут мудрые, мы совершаем творческий выбор на благо или во вред своим произведениям.⁴

– Ну-ну! Надеюсь, хоть на сегодня игра с буквами, словами, предложениями окончена?

Соавтор засунул мягкую подушку поглубже под бочок и с ехидцей кивнул в сторону черного квадрата окна без единого светлого пятнышка:

– Никому-то до нас и дела нет. Когда третью главу закончили – студенты хоть порадовали – втихаря фейерверк запустили около «Маринада». Славно же мы повеселились на чужом празднике! Даже песни голосили в форточку и, что интересно, не сфальшивили ни разу:⁵

---

³ Дайкидзин (японск.) – косматое демоническое божество.

⁴ Коэн Р. Писать как Толстой: Техники, приемы и уловки великих писателей. М., 2018

⁵ Сейчас кафе «Европа».

Мартин увлекся. Миндалевидные глаза цвета болотной ряски подернулись бензиновой пленкой удовольствия от тающих на языке карамелек французских звуков. С особенным воодушевлением соавтор выпевал похожее на мяуканье, мерцающее обсидиановым мартовским нетерпением таинственное «муа».

– Мартин, не вредничай. Лучше подходящую музыку включи. Без всякого твоего Мюра и Мерилиза, – проворчала я и под мягкие звуки Шубертовской восьмой симфонии симинор, мгновенно разлившиеся из старенькой портативной колонки, продолжила критиковать соавтора уже в более миролюбивом состоянии духа. – Мог бы из Берлиоза что-то поставить. Этакое нечто из ничего, воздушное и усыпляющее обыденное сознание. Чужое вдохновение просто так в поток творчества не забрасывает. Так что держи, Мартюша, фасон и соответствуй моменту, как символист подпольного призыва с пряным привкусом метамодерна на сахарных устах.⁷

– Выражение «сахарные уста» отвратительно! Вроде идешь себе по городу Тегусигальпе, оглядываешься. А из каждой лавки тебе черепа из сахара улыбаются, как родному. И имеют право, чертяки. День мертвых только раз в году! Такие сахарные уста у всех, обзавидуешься.

– Есть отличный рецепт от зависти любой степени запущенности. Пара капель абсента под язык из бокала с картины

---

⁷ .Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / Пер. с англ. – М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.

Пикассо, и все как рукой снимет. За удачу, дорогой соавтор! Представляешь, какое совпадение чисел! Успели эпилог дописать в день рождения того самого Гектора Луи Берлиоза. Вот кого бы пригласить на огонек! Обсудили бы наше создание, о будущем поговорили, чаю попили с бубликами.

– Сами с черствыми бубликами управимся. Про Берлиоза, но не композитора, уже все до нас, как есть, прописали. Так что читай классиков, не пей чай из невымытых чашек и не заводи пышных букетов на «Литераторских мостках».

– Совет хорош, – согласилась я с Марином. – Даже спорить не буду. Вот скажи, как меня угораздило ткнуть событийным шилом в нашу милую московскую тетюшку Марго? Если бы не твое предупреждение – «стоп, машина!» – впадала бы в грех плагиаторства и не поморщилась...

– Ты об этом лучше Остину Клеону расскажи при случае. А я уж как-нибудь без твоей благодарности обойдусь. О-хо-хо. Челюсти-то разъезжаются в разные стороны. Зеваю, зеваю... – Мартин с утробным завыванием распечатал сахарные уста и без всяких намеков на этикет бесстыдно вывалил язык влажной ковровой дорожкой Берлинского кинофестиваля.⁸

– А ну, закатывай язык обратно! Эх тебя разобрало! Видимо, придется смириться с тем, что неоконченная симфония Шуберта подходит для двух символистов, растрепанных сквозняками Васильевского, как упавшие с моста десятого

---

⁸ Клеон О. Кради как художник: 10 уроков творческого самовыражения.

числа японские хризантемы сорта «Пышная львиная гри-
ва» с наброском-дирекционом романа на упругих лепестках.
Вот как.⁹

Мартин вздохнул и вполголоса продолжил:

– Кровью сердца нашкрябали двадцать авторских на жи-
вых лепестках той самой хризантемушки. Да кому ж это ин-
тересно...

Я кивнула – ваша правда, дорогой соавтор! – и понарош-
ку, но с врожденной актерской сноровкой зажала пальцами
воображаемый мундштук. Затянулась сладким дымом пере-
тертых в мелкий табачный лист эмоций и отбросила назад
со свистом неведомо как возникшей из подсознания каза-
чьей нагайки еще одну несуществующую в природе вещь –
нить иссиня-черного с золотым отливом жемчуга. Этот жест,
подсмотренный в мизансцене французского немого кино-
фильма, использовался мною по особо торжественным слу-
чаям во время выступлений на сцене невидимого театра.

– Форточку открой, от дыма голова закружилась – завывать
хочется, как Рекс на ледокол «Красин». – Мартин прикрыл
глаза и с головой нырнул в мерное колыхание музыкальных
волн.

Я отвернулась от соавтора и еще раз проверила количе-
ство знаков в тексте. Может, на сегодня достаточно жить
придуманной жизнью? Пришло время подумать о своем –

---

⁹ Поговорка о запоздалых услугах. В Японии выращивают эти цветы к 9 сен-
тября – ежегодному празднику хризантем.

или с воем, припоминая любимчика Рекса, – окружающем мире? Не удержавшись, я хихикнула, представив, как голо-систо подвываю на луну и с яростью оскорбленного в лучших чувствах автора ругаюсь с дипломатом Кантакузиным около поднятого трапа ледокола. Ни о чем серьезном думать не хотелось. Душа просила буйных погулянок, прогулянок, банкета на выездной сессии конгресса книголюбов или клуба любителей леопардовых зублефаров. Эх, ветры яростные североатлантические, африканское сирокко вам через доро-гу, кара-буран в спину и выюги-метели среднерусской равни-ны на бедовую голову! Лети, моя тройка, сквозь бурю и бе-лую мглу! К «Яр-р-р-ру» за весельем безудержным... Хотя куда лететь-то, в какую сторону света? Не помню. Не знаю. Не пробовала. И где сейчас тот самый «Яр»? ¹⁰

– Мартюша, а ты не догадался Штольца подговорить на праздничный ужин? Хорошо подготовленная импровиза-ция сейчас не помешала бы.

Мартин, не открывая глаз, покачал головой:

– Мы с ним два дня в контрах из-за системы дробного питания. Временами – недобрыми смутными временами – доводит меня Штолец до бешенства. Так бы его глаза хо-лодно-льдисто-водянистые и выцарапал! С корнем вырвал и собакам скормил у пункта горячего питания для лиц без определенного места жительства! Эти уполовиненные, дур-

---

¹⁰ Ветер с пылью и песком в Центральной Азии, он же «афганец» или «боду шурави».

но пахнувшие порции с нулевой калорийностью плохо влияют на нервную систему. И заметь, – Мартин открыл собственные невыщарапанные глаза и буквально зашипел мне в лицо: – Сам-то он ни сном ни духом о наших достижениях якобы – делаю ударение на слово «якобы» – и не догадывается. Докладываю, что сию минуту вышеупомянутый Штольц полеживает на бархатном диванчике марсалового оттенка с черной изнанкой ночи в городе Сочи и делает вид, что статью об архитекторе Стасове пишет, а сам на планшете под одеялом смотрит «Опасный поворот». Сколько он тех опасных поворотов уже перевидал и пережил? Никто не знает. Даже я. И кстати, сегодня он еще одного ежа притащил. И спрятал пылесборника в книжный шкаф. Янтарный еж номер двадцать в каталоге ненужных вещей!¹¹

– Мартин. Тебе надо иногда вспоминать пословицу о том, что не стоит дразнить гусей, плевать в колодезь...

– Ну, не скажи! Если рыба захочет, вода уступит, – вывалил соавтор из памяти очередную японскую пословицу. И тут же заголосил истошным голосом: – «Вот – новый поворот...», это не я, а Штольц напевает, а заодно грезит, прикрыв синюшные веки, об исчезающем острове, где много-премного дней тому назад он играл новеньким пластмассовым совочком в песочнице с чистейшим кварцевым песком из разбитой колбы времени. А его маман в это самое

---

¹¹ «Опасный поворот» – экранизация 1972 года пьесы Дж. Б. Пристли, режиссер В. Басов.

время в гастрономе для него же, дитятки любимого, сырки в шоколадной глазури покупала. Так и говорит: «В настоящей глазури, из настоящего шоколада и сами сырки из настоящего творога». И добавить нечего. Пролетарская аристократия всегда отличалась утонченным нюхом на натуральный продукт. Сноб наш ленинградский – колючки врасстопырку из праздничной тюбетейки. Ишь, притомился и отдыхает от родных и близких.

– Ну, это не тебе, Мартин, судить. Пусть развлекается, как может, лишь бы не вспомнил о декабрьских потеряшках.

Не каждый месяц, но частенько в моей жизни случается досадная оплошность. Иду домой, думаю не пойми о чем и теряю счета за квартиру, только что извлеченные из почтового ящика. Могу их оставить в лифте или между лепестками чугунных цветов забыть на парадной лестнице. Только отвернешься – а их и след простыл! Хоть мчись после такого происшествия по неведомым дорожкам, чтобы избежать расплаты за рассеянность. Может, когда и удастся спрятаться в ничейном помещении, за которое не надо платить по счетам.

И я смогла, как хитрый литературный эмбрион с невостребованным опытом устного сказителя, добраться до своего спасительного запасного выхода. Убежала по черной лестнице заколоченного подъезда в одну из ста пятидесяти семи оборонительных башен Саргона – ну, того самого, с соколом, – где никто не заставляет искать исчезающие квитан-

ции и бороться с неприлично возвышенными мыслями.

Штольц – самый прекрасный человек на Васильевском острове, где выросло не одно поколение его предков. Он – прозрачная для радостей мира нежная душа, любитель поэзии, математики, знаток архитектуры и главный контролер по семейным финансам. А еще он наш с Мартином живой предохранитель от неприличного легкомыслия. Именно такой подпольный запас легких и веселых мыслей позволил мне подкопить достаточно сил для завоевания кусочка персонального неба над головой, почирканного крыльями свободных чаек, летающих над гранитом набережной лейтенанта Шмидта. И в один из удачных дней у меня все получилось.

Выход из-под семейного диктата увенчался успехом в первый же вечер независимости, когда я ритмично забарабанила по клавишам и цыкнула на домашнего тирана, чтобы не шумел, – не выношу писать романы среди вульгарных бытовых звуков. Штольц выпучил глаза и замахал руками от восторга, как бешеная ветряная мельница, что означало: «Зуб даю – больше ни одного случайного писка». До ночи я его не видела. Убежал в соседнюю комнату и только подглядывал в щелку, не грешу ли я тайными сетевыми излишествами.

– Что ж, нам есть чем гордиться, Мартин. Поработали на славу – и вот результат: почти готовая книга. На завтра запланируем последнюю вычитку. Обязательная процедура перед тем, как сдать рукопись в издательство. Все сделаем, как ты советовал – пиши рьяно, редактируй резво.

– Это не я придумал. Название книги запомнилось.¹²

– Понятно! Хотя порезвиться с редактурой не очень-то и получится. После последней вычитки проведем самую последнюю вычитку, потом окончательную и бесповоротную вычитку... Без единого опасного поворота! И, наконец, около входа в издательство спляшем финальную авторскую правку на посошок. Дело серьезное. Под миллион знаков настучали – слишком много для романа. Придется полностью вычеркнуть трагическую историю семьи Сивиковых, сократить цепочку воспоминаний Диманиса и без остатка урнировать бессильную злобу автора в рассуждениях о современных архитекторах, пиратствующих на острове... Таких сильных чувств они не заслужили. Ты согласен, что...

– Что это за термин такой «урнировать»? – перебил Мартин.

– Классический термин военной приемки – в урну выбросим избыточные литературные образцы. Слишком мы много историй запихали под одну обложку, отложим до лучших времен. Иначе роман треснет или взорвется, как некачественный боеприпас, на книжной полке.

– Вот шуму-то будет... А мы вроде как и ни при чем...

– Еще как при чем. Придет еще наше время, засядем за вторую книгу и вспомним о владельце галереи Сивикове, что крутится на карусели успеха при таланте, деньгах

---

¹² Апполонов Е. Пиши рьяно, редактируй резво: Полное руководство по работе над великим романом. Опыт писателей. М.: Альпина Паблишер, 2020.

и в шляпе с серебряными бубенцами. Как думаешь, справимся?

Я открыла электронную папку «Литературная учеба» – и еще раз пролистала отзывы на роман от студентов школы литературного мастерства «Алмазная строка»:

– Вроде ничего не забыли, учли рекомендации опытных писателей. Слили в сеть отрывки, дождались ответной реакции читателей. Или не дождались?

– Не одобряю безоговорочно! Надо из всех сетей удалить-ся и припасть к первоисточнику сорока трех секретов вдохновения в спасительном молчании! ¹³

– Главное, понять, не упустили мы чего, все ли усвоили должным образом? Книжные полки до сих пор от учебников нечитанных ломаются, а еще материалы интервью с Цербером где-то затерялись. Помнишь беседу с Гением места? Дождь хлещет. Мы, как две снулые рыбы, без звука рты разеваем. Рассмешили все Церберовы головы по очереди. Думаю, что Беляш про учебный рудник с тоннелями под 21-й линией не случайно проговорился. Мол, лежат там в ящиках золотые самородки и ждут, когда наступит час сияния самой большой в городе дельты лучезарной на фасаде храма. Только представь этот обжигающий свет расплавленного серебра? Хорошо, что очки солнцезащитные всегда при мне! ¹⁴

Мартин улыбнулся и с напевной интонацией выдал

---

¹³ Молчанов А. Пишется! 43 секрета вдохновения. М.: Эксмо, 2020.

¹⁴ Храм преподобного Макария Египетского при Горном университете.

несколько памятных фраз:

Потом замолчал и, казалось, потерял интерес к рассуждениям о только что написанном романе. Он упустил, вернее, отпустил нить разговора, которая лопнувшей дребезжащей струной болталась между нами. Соавтор замолчал, засуетился в клетчатом убежище, пытаясь скрыть беспокойные мысли.

– Да ладно, иди, – я махнула рукой в сторону коридора, – сегодня я добрая...

– Вот и славно! Понимаешь, опаздываю. Обещал Штольцу, что приду ровно в двадцать один час пятьдесят пять минут на просмотр сериала «Совесть». Ты же знаешь, как я люблю наблюдать за предателями в кино. Какие же они все там умные, обаятельные, мерзкие. Противно смотреть, а хочется. Эх, детективчики, чики-чики-брямс – сразу догадаемся о злодее прямс! А еще имею надежду, что вознаградят меня поздним ужином за почтительное подхихикивание во время сеанса. Неужели Штолец не захочет перекусить в приятной компании? Так что иду, иду... Стихи по дороге сочиняю.

– Холодный ельник – это что такое? Холодильник с продуктами?

Откуда у Мартина прорезались эмоции, тлеющие в голодном желудке угольками яростных шипящих звуков? От вечернего недоедания? Смутных обид?

– Мартин, не обижайся. Для твоего же здоровья Штолец

старается.

Соавтор не ответил. Он уже в мыслях оставил меня наедине со смутными авторскими переживаниями.

– Иди уж...

Я наблюдала краем глаза, как, спрыгнув с кресла, Мартин замер напротив меня, словно величественная фигура, мастерски прорисованная в последнем томе рисовальных студий Готфрида Баммеса. Начался наш обычный художественный забег по кочкам! А я и не возражала – всегда готова насладиться ритуалом прощания и прощения ежедневных обид и злодейств. Больше никаких свидетелей – только я и уже свободный от обязанностей соавтора Мартин.¹⁵

В самом начале совместного сочинительства этот забавный ритуал превратился в наш главный спасительный буйек среди моря бурных авторских эмоций. Тогда еще только-только выстраивалась робкая трехмерная система координат истории главного героя Диманиса. Создавая план романа, мы почти безнадежно заплутали в трех главах, пытаюсь запихать в первый же эпизод появление в нем всех основных персонажей. Мы запутались в галдящих вокруг нас антагонистах, комических старухах в архетипе королей на казенном жаловании, обаятельных трикстерах и благородных героях с ободранными в боях за железо и золото петушиными хвостами. После особенно яростной психологической атаки потрясенного моим скудомыслием соавтора я с рыча-

---

¹⁵ Баммес. Г. Изображение животных. М.: Изд-во Дитон, 2011.

нием откинулась на спинку кресла и тут же застонала от бессилия с эффектными подвываниями бывшего театрального клакера:¹⁶

— Что же ты, злодей, не понимаешь, что в моей кладовой литературных приемов пустота. Гулкая пустота заброшенного гэдээровского арсенала с повыскребенными до последнего патрона сусеками. Это только в книгах умных написано, как правильно разжигать в себе писательские инстинкты и внутреннее чутье. Ну не получается у меня пока приличные переходы между эпизодами делать, а ты мог бы поделикатней обращаться с истощенным мозгом начинающего творца образов. Без твоих воплей вижу, что в начале главы эпизоды похожи на тяжелые кирпичи. Тык-тык друг на друга. А раствора интеллектуального между ними нет как нет. Раствору гони, цементно-ментального. Да побольше! Вот твоя работа. Беги за раствором и кирпичами для строительства книги.

Я приготовилась испепелить не слишком приветливым взглядом соавтора, но тут же заметила, как задняя лапа Мартина, будто сама собой, с ловкостью гибкой змеи, укутанной в пушистую шубу, отползает куда-то в сторону, тело склоняется в изысканном поклоне, и мой мучитель с неизвестно откуда расцветающей деликатностью произносит: «Все будет немедленно исполнено, и не надо вам больше к змее но-

---

¹⁶ Визнер К. Живой текст. Как создавать глубокую и правдоподобную прозу. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

ги пририсовывать. Своя имеется в шубе из ценного меха. И не одна, а целых четыре». ¹⁷

— Ах-ах, какие вольности, — подыграла я ценителю японских поговорок и пословиц: — Для кота, купленного за сто рублей в подземном переходе Лиговки, ты слишком смышлен. Никаких тебе сапог со шпорами или мечей самурайских, пока не придумаешь, как половчее познакомить благородную душку плюшевую с главным злодеем.

Salut, c'est encore moi.

Salut, comment tu vas? ⁶

Июль, подземный переход,
Жара, язык наружу — нет очков спасенья —
Успели мы друг друга разглядеть...

Што ли Штольца шумят шаги,
Што ли я не шумею шбежать,
Угощение от Штольца штащить,
Отлеть ш полпинка, ш полноги
От холодного ельника...

---

¹⁷ Не надо делать лишнее, когда не просят (японская поговорка).

⁶ Джо Дассен «Привет, это снова я. Привет, как твои дела?». Песня группы Albatros Тото Кутуньо была переработана Деланоз и Лемелем в «Salut».

Первая встреча с соавтором

*На всякий котел найдется крышка.
Японская поговорка*

Июльская жара – тяжелое испытание для местных петербургских куличков, рожденных для глубоко запрятанной от самих себя радости и вечерних интеллектуальных посиделок во влажной прохладе любимого болота. Каждый год, балансируя на макушке лета, поневоле добрым словом вспомнишь октябрьскую морось, январский морозец и стылые мартовские хрустально-кислородные ванны для обнаженных рук, шарящих по своим и чужим карманам в поисках перчаток. Летом из подземных городских лабиринтов города выкачиваются последние глотки свежего воздуха, и обычный переход под Лиговским проспектом от любого другого душного места ничем особенным не отличается.

Оказавшись под вечер в обманчиво светлом подземелье, я тут же начала зевать от недостатка кислорода, с хрустом выворачивая нижнюю челюсть, чтобы с нутряным ворчанием голодного зверя погнать впереди себя единственное желание – как можно быстрее подняться на поверхность и набрать в легкие спасительных паров бензина из атмосферы перегруженного транспортом проспекта.

В ту сумеречную пору накануне теплого полнолуния муд-

рого оленя — когда же ты опять проскачешь по Невскому? — около созвездия подземных киосков с пестрой никчемной мелочевкой собралась такая же обманчиво пестрая су-етливая толпа. Все люди были одеты в старомодные поддевки, пыльные кирзачи, мятые картузы, а набитые неизвестно чем мешки с неподражаемым щегольством лежали на их натруженных позвоночниках. Складывалось впечатление, что именно здесь, в не самое подходящее время и не в самом подходящем месте, собирается массовка для съемки исторического фильма. К примеру, времен русско-японской войны.

18

Люди страдали от жары, не скрывали плохого настроения, но из образов не выходили. Доходили естественным путем до нужной степени свирепости, чтобы с блеском сыграть угрюмую толпу, недовольную внутренней и внешней политикой государства Российского на рубеже веков.

Рядом с группой мешочников к единственному свободно-му месту около одной из колонн прислонилась, чуть сгорбившись, высокая фигура полярного исследователя Степана Журавликова. В обычной одежде, без мешка за спиной, он не портил общего настроения «Доколе, братья и сестры, не возьмемся за колья, топоры и вилы в гнев праведном? Доколе, утомленные знаниями разночинцы, мещане, угнетенные налогами, безземельные крестьяне и искусные ремесленники без орудий производства, терпеть будем власть

---

¹⁸ Одно из названий полнолуния в июле.

мироедов и супостатов с титулами и без?». Полярник вместе с толпой наливался багряно-лиловым оппозиционным недовольством, зависая около киоска в нелепой позе профессионального бездельника – Журавликов прижимал руки к рубашке крест-накрест, наклонив корпус вперед под углом тридцать градусов.

– Здравствуйте, Степан. Рада вас видеть. Как поживаете? – Я подошла к колонне поближе.

– Здравствуйте, – ответил Журавликов в некотором смущении: – Э-э-э-э, мы с вами знакомы?

– А кто мне месяц назад костюмы полярников для выставки выдавал со склада института Арктики и Антарктики?

– Не может быть? Неужели это вы? И что у вас с лицом? Вас кто-то обидел? Глаз подбил? Или, как водится, в темноте сами приложились о подходящий дверной косяк? Уж простите – не сдержал любопытства. Мне маменька постоянно твердит, что никогда не надо замечать мелкие недостатки окружающей действительности от слова «совсем». Черт, опять не справился.

– Никто меня не обижал. Очки с темными стеклами дома забыла – так что глаза и опухший нос теперь не спрятать. Я неделю фонд рисунков детей блокадного Ленинграда разбираю. Рыдаю весь рабочий день, остановиться не могу.

– А когда домой придете, что делать будете?

– А почему это вас волнует? – вопрос Степана, признать-ся, застал врасплох.

– Нет-нет! Не подумайте ничего эдакого. Я просто представил, как вы идете вся такая грустная, дверь в квартиру открываете, ключик «звяк-звяк», и «Чу! Звериная тропа где-то в недрах кухонной пещеры задрожала от топота», кто-то бежит к вам навстречу, торопится, поспешает, огненную землю стальными когтями царапает: «Где она? Где кормилица верная и гладильщица искусная? Неужели вернулась моя прелесть неизвестно откуда?» И правильно, вы уже улыбаетесь, потому что дома вас чудо расчудесное встречает. Здравствуй, говорит, любимая хозяйка. Не печалься. И лапкой так поглаживает.

Журавликов засопел, вытаскивая из-под скрещенных рук чью-то черную мягонькую лапу.

– Посмотрите, какой зверек симпатичный. Только очень не вовремя он у меня обнаружился. Я ведь завтра в командировку лечу. А мамулька откочевала замки на берегах Луары созерцать. Мне живой подарочек на собственный день рождения и не с кем оставить. Не приютите?

Я непроизвольно вздрогнула.

– На время, на время! – заголосил полярник, вытаскивая откуда-то из-под рубашки стройного кошачьего подростка с испуганными глазами. – Клянусь жизнью и честью единственного знакомого пингвина-альбиноса, приеду и сразу же назад заберу. В первый же день, как приеду, так и заберу. А кот необыкновенный! Шкурка, как у соболя, блестит. Только посмотрите! А глаза какие! Ярче фар вездехо-

да в ночи сияют. Отдавать, конечно, жалко, но обстоятельства непреодолимой силы... А знаете что? Я вам для выставок еще и трофеев всяких привезу. Ящик или два. А, может, и три. Ну, соглашайтесь. Я ведь в переход от отчаяния вышел. Смотрите, какой спокойный и задумчивый кот. Прислушивается к разговору, вроде как понимает все.

– Не орет, не поет с утра голодные песни? – спросила я, всматриваясь в печального кота, повисшего в трясущихся от нетерпения потных ладонях Журавликова.

– Какие песни? – взревел полярник. – Молчит целыми днями. Ни разу «мяу» из себя не выдавил. Когда в миске пусто, подойдет ко мне, бывало, и так с выражением посмотрит прямо в глаза. А я такой: «Понял! Все понял». Раз – и еда на подносе, все довольны. Больше дела – меньше слов! Приютите – не пожалеете.

– У меня только кошка по имени Прозерпина жила долго и счастливо, тоже, кстати, черной масти была красotka. Редкая говорунья и певунья, – я неожиданно для себя выдохнула из незаживающей раны горькое воспоминание: – Как же она рулады каждый день выдавала! Искореняла в доме все, что не укладывалось в ее кошачье мировоззрение. Но разве такие мелочи могут помешать до сих пор нежно любить пушистое и прекрасное создание? Правда, расстались мы при трагических обстоятельствах – похитили у меня Прозерпину. Кстати, когда я тоже в отъезде была.

– Наверное, на голос приманила похитителей. Мой кот

не таков, —нахваливал Степан питомца: — Молчит, и никаких проявлений эмоций. Что тут скажешь — порода.

— А что вы его все кот да кот зовете. Имени нет? — поинтересовалась я.

— Не успел придумать подходящее. Должно быть имя на букву «М». Две его сестрицы и братец имена на букву «М» имеют. А я вот... Что-то там с родителями связано. — Журавликов протянул мне кота, и я впервые обняла незнакомца. — Ну вот.

Полярник зачем-то потер руки, с ехидной грустинкой улыбнулся коту на букву «М», явно намереваясь улизнуть от нас куда подальше. Но меня так быстро не проведешь:

— Стоять, Степан, не двигаться. Вот и хорошо. — Я поймала скольльзящий мутный взгляд Журавликова и зафиксировала внимание на расширяющемся от внутреннего беспокойства зрачке среди стальных протуберанцев радужки грязно-серого ледяного оттенка: — Номер телефона запишите для связи, и сто рублей вам от меня и кота на память.

— Какие деньги. О чем вы! — отпрыгнул от меня Степан.

— Так надо. Символическая плата. Как пропуск для вашего питомца в новую жизнь.

Я сунула помятый денежный знак в нагрудный карман рубашки Журавликова и продиктовала номер.

После сделки мы с котом на букву «М» даже попрощаться толком не успели с его бывшим хозяином. Журавликов исчез мгновенно. Пришлось покидать подземный переход

в толпе галдящих мешочников, которых, наконец, пригласили в сад Сан-Галли на съемочную площадку фильма «Небесный огонь Чемульпо».

Черный кот на черной лестнице

*Предсказатель своей судьбы не знает.
Японская поговорка*

Прошло несколько лет. Давным-давно художочное создание родом из подземного перехода превратилось в благородного зверя, чья длиннохвостая и остроухая тень, вылепленная из петербургского сумеречного света, постоянно следовала за мной по пятам в закрытой капсуле нашего не самого уютного жилища. В полном молчании, бесшумно, мы с котом скользили по анфиладе бывшей коммуналки, путаясь в изгрызенных чужими замками дверях между комнатами с высокими потолками в длинных супрематических трещинах среди венков старомодной лепнины. Шлеп-шлеп по коридору, шур-шур за углом, ау-ау из кладовок отвечала нам квартира гулким эхом изломанного пространства, сконструированного по законам кабинета доктора Калигари неизвестным архитектурным экспрессионистом.¹⁹

Наша бестолковая, но живущая самостоятельной жизнью квартира на пятом этаже в доме на углу Большого проспекта и Двадцать первой линии таила от жильцов много секретов и не заканчивалась у приграничья общей с соседями сте-

---

¹⁹ «Кабинет доктора Калигари» – немой фильм, положивший начало немецкому киноэкспрессионизму. Режиссер Роберт Вине, 1920.

ны. У нее имелся свой запасной выход в космос безлюдной черной лестницы, притаившейся за еще одной парой входных дверей в глубине главного коридора. Подъезд со стороны второго двора-колодца забили, никто и не вспомнит когда, стальными гвоздями забвения. Забили дверь и обо всем забыли. Мы же с котом, напротив, не страдали беспомощностью – потихоньку освоили непознанное пространство, смятое в гармошку нехоженных лестниц со скользкими ступенями от пролитого лет семьдесят тому назад тенью Анны Бретонской из склянки темного стекла натурального подсолнечного масла первого отжима. Приспособились, как ушлые контрабандисты, незаконно коротать свободное время, сидя на ничейных подоконниках, наблюдая за полетом прикормленных крошками одичавших городских голубей. Такой вот образовался для нас отличный наблюдательный пункт в обнимку с кофейной чашкой. Что еще надо молчаливому коту и его человеку, склонному к уединению?

В первый же день знакомства я подобрала коту звучное имя – Мартин, припомнив говорящего гуся Мартина из сказки Сельмы Лагерлеф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Не скрою – я долго колебалась, не остановиться ли мне на звучном имени Максимус с двойным дном геополитических смыслов. Черный кот вполне мог претендовать по внешнему виду и окрасу на титул представителя самой родовитой семьи черных аристократов на планете Земля. Но имя Мартин показалось мне более привлекательным для

симпатичного сообразительного друга, который не страдает гусиной болтливостью и никогда не поведает о твоих секретах посторонним.

По вечерам мы с Мартином запирали все наружные двери и дружно с огоньком доделывали внутри квартиры все, что за день не успели. В первый же месяц василеостровского новоселья кот приспособился помогать мне, наблюдая со столешницы письменного стола из светлого орехового дерева, как я стучу по черным квадратам клавиш, изредка замирая и закатывая глаза в поисках казенного вдохновения. Мартин за компанию поднимал глаза к потолку и, не обнаружив ничего интересного, начинал дремать, нажимая уснувшим носом на выключатель лампы. Надо признаться, очень заразительно он дремал. Через час-другой, утомившись от постоянного подмигивания лампы, я без всякой жалости выгоняла трудягу-дятла из осиновой чащи своих пальцев, давно разучившихся писать удобными перьями неразговорчивых гусей. Отложив в сторону очередную статью, я иногда задавала коту вслух вопросы. Просто так, не дожидаясь ответа. Хотелось услышать со стороны свой охрипший от долгого молчания голос:

– Итак, Мартин, как считаешь, не пора ли нам передохнуть?

Легким кивком Мартин выражал полное согласие и, спрыгнув со стола, приглашал проследовать за ним к холодному ельнику с продуктами. Перерыв так перерыв.

Молчун Макс-Мартин

вышел из подполья

*Молчаливый жучок прогрызает стены.
Японская поговорка*

В ноябре семнадцатого года наша распрекрасная жизнь внезапно закончилась. Нелепое происшествие заставило меня, как и главного героя пока еще не написанного романа, поскользнуться и упасть в глубокую пропасть. Вернее, я не удержалась на складной лестнице, развешивая картины, и рухнула вниз, проломив спиной прочный гипсокартон, прикрывавший стены одного известного исторического здания на Биржевой линии Васильевского острова. Герой романа отделался легким недомоганием, пользуясь милосердием автора, а я нет.

Пролетая отмеренное судьбой расстояние, я еще успела, как следует, полюбоваться миром, перевернутым вверх тормашками. Наблюдение за пространством глазами капли из «Страны водяных» Акутагавы Рюноскэ длилось недолго и прервалось ударом о земную твердь. Бамс! Бамс! Баммес! Еще раз Баммес! Чмок! После легкого поцелуя бетонного пола в позвоночник наступила тишина – и черный квадрат перед глазами поглотил всю многоступенчатую темноту бессознательного. Как советовал мой учитель по академиче-

скому рисунку: «Никогда не вглядывайся в самую глубину теневой стороны. Нечего грязь разводить». А я и не вглядывалась. Я ее просто увидела! В моем падении с лестницы не было ничего сверхъестественного. Случаются такие события с людьми чаще, чем хотелось бы. Соблюдаешь ты технику безопасности или нет – полет вниз неизбежен: так уж эти лестницы обычные и складные хитро устроены. Как тут было не вспомнить герою будущего романа «Градо» Диманису, как бесстрашный Валентин Булгаков так же летел ласточкой головой вниз, подбитой камнем собственной усталости и любви к искусству. Вот до чего может довести любителя живописи ночная развеска картин накануне открытия выставки. А иногда можно и не оправиться от травм. Совсем не справиться с притяжением земли. Вроде обычное дело – стены украшать произведениями искусства – обычное, но рискованное. Может быть, не случайно Николай Гоголь, по преданию, перед смертью просил только об одном: «Лестницу мне! Лестницу!»^{20 21 22}

Мое падение закончилось обычным, но затяжным присту-

---

²⁰ Юрий Яковлевич Мацко – художник-живописец, мастер пейзажа, портрета, исторической картины. Педагог.

²¹ Булгаков Валентин Федорович (1886—1966) – секретарь Л. Н. Толстого. Руководитель ряда литературных музеев, в том числе он возглавлял Яснополянский музей почти 30 лет.

²² Художница Юлия Васильева погибла при развеске картин. Ее произведения хранятся в галерее «Мансарда художников» в Санкт-Петербурге на улице Большая Пушкарская, 10.

пом меланхолии. Как же так? Вроде кости целы – отделалась синими полосами на спине и багрянцем синяков на руках и ногах, стонущих при каждом неловком движении писклявыми лиловыми голосами: «Мы же тебя предупреждали». Предупреждать-то предупреждали – да что толку – двигаться и вставать с дивана не хотелось, не желалось и не мечталось. Вроде меня, как бутылку, встряхнули, и вся муть со дна ударила в голову. Наши с Мартином вечерние посиделки прекратились, и кот заметно приуныл. Но ненадолго.

– Хватит хандрить! Вставайте, маркиза Кара-бас. Вас ждут великие дела, как говорил какой-то там мудрец доблестному герцогу Максимилиану Анри Сен-Симону. Кстати, Максимилиан – прекрасное имя, данное мне при рождении. Мечтал носить его при себе до конца дней своих, да не сложилось.

Приоткрыв один глаз, я разглядела рядом с собой на подушке, примятой лавандовым облаком сатиновой наволочки, знакомый оскал несостоявшегося Макса. Вы когда-нибудь видели говорящих котов? Если нет – поздравьте себя – вы пока еще в полном порядке.

– Вот оно что! Какой же Степа, оказывается, враль! А чем тебе имя Мартин не угодило? – прошептала я. – Значит, хватило смекалки удивить меня единственно возможным способом? Изыди, шпион мохноногий!

Я и не заметила, как с неожиданной прытью вскочила с дивана и погналась по коридору за мелькающими впереди ла-

пами и хвостом. Мышцы ног с каждым ритмичным ударом пятки об пол – правой или левой, неважно – разогревались все сильнее и сильнее, а кровь с энергичным барабанным боем все активнее пульсировала по артериям: «Встала, встала! Беги, беги!» Освеженный, или освежаванный, сверхъестественным событием разум стряхнул оцепенение, и я с усилием притормозила около последнего поворота перед кухонным окном – бежать дальше было некуда. Разве что выпрыгнуть в окно. Полюбовавшись рамой с единственной бронзовой шпингалетиной, увитой одичавшим без присмотра плющом, я плеснула из лейки воды в горшок с буйным растением, зачем-то дотронулась до коричневой колючки угрюмого кактуса в керамической плошке и ойкнула от неожиданности. Колючка пребольно царапнула ноготь и укусила за кончик мизинца – брызнула кровь – пришлось срочно искать аптечку, вступая на привычный путь повседневных хлопот.

Ну, вот и славно. Я окончательно пришла в себя, заварила чай с распутившейся в чашке хризантемой Цзюй Хуа и с нежностью расправила на мизинце симпатичный бантик из бинта в виде все той же белой хризантемы, так гармонично прислонившейся к краю чаши Кагуяма подобно главному сокровищу первой после выздоровления чайной церемонии. Я успокоила внутреннее волнение, уперлась локтями в круглый стол и вдохнула облако, напоенное лечебным туманом японской чайной плантации. У меня впервые ничего не болело, не постукивало в позвоночнике, не шумело

в ушах и не ныло в сердечной мышце. Полное освобождение тела и разума. Над головой кухонные часы с духами Севера по краям циферблата привычно щелкали минуты, как семечки на ледяной завалинке. Мир приветствовал мое возвращение: «Добро пожаловать, и больше не хандри». Неужели все плохое отступило? Прихлебывая чай, я ритмично, в такт щелканью минутных семечек, жевала колотые камешки настоящего тростникового сахара, наблюдая, как из-под клетчатого кресла с похвальной осторожностью выползает, замирая после каждого шага, виновник происшествия.²³

– Итак, – я посмотрела на Мартина с негодованием зверски обманутого человека: – Совершенно случайно, находясь в состоянии шелкопряда в коконе спокойствия, воли и зарождающейся жажды активной жизни, узнаю, что кот по имени Макс-Мартин, оказывается, нечестен со мной. Он, видите ли, решил поспособствовать моему досрочному превращению в бабочку или годную в хозяйстве прочную шелковую нить. Как ты смог так долго скрывать свои способности?

– Я не скрывал. Но разве со мной о чем-то, кроме еды, кто-нибудь когда-нибудь разговаривал? Просто я, не торопясь и основательно, готовился к общению с двуногими прямоходящими – изучал методом научного наблюдения челове-

---

²³ Чаша Кагуяма с белыми полосами на корпусе. Название чаши подчеркивает ассоциативную связь узора со строчками из поэтической антологии Маньёсю: Весна прошла, И лето, видно, наступило – Белотканое Там сушат платье, На горе священной Кагуяма.

ские повадки, книги читал познавательные, фильмы смотрел занимательные. Ждал подходящего случая. Один раз чуть не проболтался, когда Журавликов звонил.

– Было дело. Думала, что послышалось. Вроде как комар пролетел рядом и пропищал в ухо: «Не отдавайте меня никому. Не надо...» Кстати, полярник Степа и не настаивал на твоём возвращении. Можно сказать наоборот, намекал, что мой номер потерял и случайно дозвонился методом перебора цифр.

– Ещё бы, – ухмыльнулся кот. – Думаю, его дружок пингвин-альбинос больше одного сезона не протянет, общаясь со Степкой-обманщиком. Да и сам Журавликов давно забыл о подземном переходе между жизнью и смертью. Был кот, раз – и нет его. Он за минуту до твоего появления хотел мешочникам меня подкинуть.

– Да, странный тип. И ящик обещанных подарков не привез.

– И не надо нам от него ничего. Бойтесь полярников, дары приносящих. – Мартин с изяществом откормленного ягуара, убежавшего из тесной клетки зверинца, впрыгнул на стол и заглянул в мои глаза, не фокусируясь на зрачках. – Бедная моя, измучила себя и других. Как же тебе помочь-то, маркизушка?

– Что это за маркизушка? Я же не болезненная филателистка какая-то.

Мои глаза увлажнились, и я громко высморкалась в мя-

тый носовой платок с изображением черного пенни, забивая, как в лузу, подкативший к гортани бильярдный шар сладостной жалости к себе несчастненькой.

– Вот-вот, все правильно – поплачь. Знаешь историю про одного кота и маркиза Карабаса при нем? Славный такой парнишка. Да и не маркиз он вовсе, а так – простодушный, но удачливый сын мельника с хорошим зрением – первым мышку увидел на королевском ковре, за что и был приближен к толпе аристократических мешочников. Вроде жил себе паренек со смешной птичьей фамилией, а стал по прихоти обстоятельств настоящим лордом. Может такое произойти наяву? Как думаешь?

– Полностью исключено. Совсем ты, Мартин, в политике не разбираешься! Будущий лорд из не лордов, если такой и возникнет на вытоптанном не нашими доморощенными лордами острове, будет носить не птичью, а настоящую медвежью фамилию. Слышу, как наяву. Звук гонга, глубокая пауза и хорошо поставленный вопль из Гримпенской трясины: «Сегодня лорд Медведев не явился на заседание палаты пэров». Звучит? Хотя... не будем тасовать чужие карты – твоя история с французским акцентом.

– Какая разница. Главное – смысл. Карабас – добрый, беспомощный, без настоящего друга потерялся бы на первом же опасном повороте к замку людоеда. И ты у меня такая же – беспомощная, плаксивая...

– Теперь и ты будешь жизни меня учить и Карабасихой

звать?

– Про японское понятие «тейней» тебе ничего не известно? Зачем же так грубо выражаться? – удивился кот: – Со-кращу до первых букв имя – Кара и восточное «наше вам с кисточкой» присоединю. Мне больше нравится обращение Кара-тян – достойная общения с незаурядной личностью, смахивающей на обычного кота со скрытым резервом развития. Все. Пора действовать, а не разговоры разводить.²⁴

– Что это за интерес к востоку у тебя прорезался, незаурядная личность в мехах?

– Где восток, где запад? И кто разберет, где мы с тобой сейчас чаи распиваем. На каком острове? Хонсю, Хоккайдо, Кунашир, Карафуто-Сахалин, Васильевский, Аптекарский... Вопрос, вопрос, вопрос...

Напевая с приятной хрипотцой механической шарманки, Макс-Мартин подкрался ко мне еще ближе, легонько смахнул со стола носовой платок и с нежностью коснулся бархатной лапкой моей щеки, произнося спасительную мантру голосом мудрого ветеринара:

– Все, все. Неприятности убежали, улетели, ускакали далеко-далеко, пока не приложились с разбегу чугунным лбом в страну восходящего и превосходящего все материальные ценности мира того самого общего для всех солнца. Прощайте, прощайте, скалистые горы, тревоги и напасти! Да не дергайся ты так – когти спрятал. И Курильские острова

---

²⁴ Teinei (японск.) – вежливость.

под присмотром – неприятностям там не место. Так что летите, беды бедовые, куда подальше. И вот что еще. На работу тебе пора собираться. Вставай, одевайся и иди себе. Штольц молчит – тянет хозяйство в одиночку. Жилье за городом в прошлом году захотела – он кредитов набрал и недвижимость, как яичко на ладони, выкатил в виде избушки на краю заброшенного живописного парка. А вы, Кара-тян, все на диване лежите...

– Да, совсем я расслабилась, и Штольц, действительно... перестал ехидничать.

– Временное явление. – Мартин со знанием дела развалился на столе в позе опытного знатока человеческих характеров: – Вот приведешь дела и себя в порядок, а заодно освоишь еще одно полезное ремесло. Ты же всегда выход находишь, когда в тупик восходящего солнца головой стукнешься.

– Что-то не припомню, когда меня в последний раз в тупик жизнь загоняла...

– Еще бы ты вспомнила. Как-то случайно, ненароком, нехотя, проходя мимо, я подслушал, как вы со Штольцем обсуждали падение одной особы с корабельного трапа музейного корабля, пришвартованного к причалу набережной Петра Великого на реке Преголя, а не Прегель, как немцы привыкли называть.

– А-а-а-а-а-а!

– Вспомнила! – кот понимающе посмотрел на меня: –

Штолыц еще удивлялся, как нормальный человек может свалиться с трапа, как пьяный боцман.

– Какая же обидная и ничем не оправданная несправедливость! Со мной в больнице как раз лежал тот самый боцман, упавший с трапа. Мы с ним вместе страдали в окружении таких же, как мы, покалеченных, но безжалостных сплетников. Боцман, действительно, упал с трапа, но совершенно трезвый, а я так и не смогла убедить товарищей по несчастью, что муж не доказывал мне теорему Ферма при помощи кулаков. Правда, соседка по палате имела свою собственную версию случившегося и утешала меня, как могла, занимательными рассказами, как ее дочь получила по лицу ударом копыта лошадки на соревнованиях по конкуру – и ничего, выжила.

– А что после больницы происходило, помнишь? Посидела, подумала, потом еще раз подумала и опять кисточки да карандаши из сундука достала. И понеслось по кочкам да оврагам. Мастерская, мансарда, подпольный подвал. Обнаженная натура сквозь запотевшие очки целомудрия, разноцветная эмаль для иллюстраций стихов, пленэры по субботам плюс «Балтика номер семь» на берегу Финского залива для вдохновения и все такое. Параллельно опять же выставками занялась и картины по стенкам назло судьбе до сих пор развешивала, как будто лететь без крыльев для тебя плевое дело. Перезагрузка или перестройка – великое дело для летунов с башни шестнадцатого аркана!

– Все так. Только к чему ты клонишь?

– Тебе опять сверху прилетело – сигнал послан. – Мартин многозначительно подмигнул в сторону потолка: – Займись делом. Как говорил один философ, после провала штабных учений: «Замаскировался и пополз по-пластунски к письменному столу над ошибками работать». Стол у тебя уже есть...

– Не хочется ползать. Пойду лучше на диванчике полежу и полюбуюсь паутиной трещин. Авось паук выползет или скорпион какой от соседей сбежит. Будет с кем поговорить о справедливости.

Я поставила на стол пустую чашку с увядшим цветком и поплелась в сторону спальни.

Сборник рассказов «Сны из-под подушки графомана»

*Кончается дождь, забывают о зонтике.
Японская поговорка*

Не в характере Мартина было сдаваться после первой же неудачной попытки сделать все по-своему, а значит, правильно и единственно верным способом. На следующее утро он с ласковым смирением просителя дождался моего пробуждения и при первом же скрипе открывающейся двери спальни с ходу начал соблазнять меня творческими горизонтами, которые незаметны тому, кто все время лежит на кровати параллельно к этой самой недостижимой линии успеха. Теперь я и шага не могла ступить без кошачьих атак на мое восхитительное ничегонеделание.

– Постой. – Мартин бросился мне под ноги, упакованные в носки с портретом бесстыдного авокадо, похваляющегося на весь свет упругой обнаженной косточкой. – Ты же сама хотела записывать умные мысли в хорошем литературном стиле? Все плакала по вечерам – времени нет, а его-то везде навалом. Оглянись только.

Я не выдержала и оглянулась. Ничего, кроме плохо убранной комнаты, у меня за спиной не просматривалось. Вдохновляться было нечем.

– Не туда смотришь. В сердце смотри – твое, мое... – пушистая черная лапка убедительно побарабанила по грудной клетке: – Серьезно, хватит сидеть и статьи щелкать без толку, пальцами похоронный марш барабана.

– Сам барабанишь. Пощелкивая пальцами марш... Статьи надо щелкать и пальцами в такт щелк-щелк-щелк. Так выразительнее звучит...

– Одно не пойму. Вот зачем тебе возвращать сорняки канцеляризмов, приводящие в неистовство Корнея Чуковского и Нору Галь? Неужели интересно заграничными скопусами-покусами и ринцами в зверинце меряться? Скоро родную метрическую систему отладят – забудут про зверинец, будто и не было. Ты лучше вспомни, как тетрадь в черном мешке на антресолях нашла и ну мне целый вечер завывать, как ветер за окном.²⁵

– Мартин, дай пройти в коридор по-хорошему. Я есть хочу! А тогда стихи вслух я тебе читала. Настоящие. Один раз в жизни удалось испытать приступ великого поэтического безмолвия рядом с истинным творцом. А потом лететь, бежать, ломиться сквозь творческий, вернее Таврический, сад в сторону «Чернышевской», пока в голове не произошел взрыв неконтролируемого словотворчества. На тот самый сборник из мешка как раз и хватило энергии. Стой на месте. Что сейчас покажу...

---

²⁵ Галь Н. Слово живое и мертвое: Международные отношения; 2001; Чуковский К. Живой как жизнь. М.: Время, 2014.

Я кинулась к тайной полке в книжном шкафу и вскоре вернулась со связкой картонных квадратов с красными всполохами иллюстраций собственного производства в обрамлении мною же придуманного жалостливого текста с редкими вкраплениями реального опыта жизни.

– Ну, вот, почти и не испачкались обложки. Хотела в целлофан их закатать для приятной глазу книжной эстетики – да денег пожалела. Заждались книжечки своего первого читателя. А где тут у нас самый первый, самый умный, самый благодарный читатель? Держи ценный предмет – не урони. Право первого читателя моих произведений, Мартин, теперь всегда в твоих лапах. Цени. До своего падения я успела целую книгу «Белая кровь» написать. Вернее, нарисовать. Сама все придумала, картинки разместила в центре листа, текст тушью написала по краям, а потом соединила листы и обложку вместе. Ап! И книга готова. Симпатичный квадратик, как подушечка бумажная, и альбомная ленточка сбоку торчит – можно на гвоздь повесить и любоваться. Обложка красная, кровь струится белая, птица, она же героиня истории, ранена и лежит без движения, печалится. Клюв потеряла – сломала при падении с дерева Иггдрасиль головою вниз. Клюв сломала – ни сочувствия, ни награды за страдания не получила. Не всем, как Одину великому, дары положены за испытания немалые. Вытекает из птицы жизненная сила в символическом белом цвете, а вокруг расцветают петербургские серые каменные цветы. Из мрамора с прожилка-

ми пульсирующих вен синюшного оттенка. Печалются цветы. Сочувствуют...

– Им бы еще в реке Фонтанке корни прополоскать от фальшивых слез не мешало бы...

– Вот еще! Не для таких, как ты, бесчувственных читателей художники новый жанр изобрели. А чтоб всем все было понятно, так его и назвали – книга художника. Тут как раз накануне моей хандры в Главном штабе постоянная экспозиция открылась – «Кабинет книги художника». Там таких диковин необычных, с клювами и без, в каждой витрине по дюжине на насесте просо клюют. Ой, что-то давно я в Эрмитаже не была. Забегу завтра.

– Насчет твоего альбомчика, размером с мелкую кошачью лапку без когтей, что сказать хочу... – Мартин с осторожностью, словно боясь обжечься, подвинул ко мне связку самодельных книг: – Синичке, потерявшей клюв, сочувствую, но я намекал на что-то более серьезное. К примеру, завтра тебе встать пораньше и за книгу настоящую засесть. Представляешь? Несколько лет молчаливого затворничества – тебе не привыкать – и книга без всяких потерянных клювов готова к потреблению читателей. В твердом переплете с шелковой закладкой для удобства чтения. Мне друзья рассказывали, что их знакомые с перьями вместо пальцев встают на рассвете, до стола долетают и пишут они, пишут, пишут... Как говорится, раннее вставание приносит три мона прибыли. Литературной, конечно. Потом сидельцы-стольники вме-

сте со своими котами напиваются кофе со сливками: «Эх, хорошо!» А потом думают: «А не пойти ли нам поработать, а кот моего замечательного, единственного и неповторимого оставить рукопись сторожить?» И, представляешь, идут по утоптанной тысячами лап и ног муравьиной тропе и даже зарплату в конце месяца получают, плюс аванс для развлечения, а потом они же книги свои продают и уплывают в неторопливое кругосветное путешествие. Как Чарльз Дарвин.²⁶

– Не верю, что на кругосветку можно заработать литературным трудом.

Пригорюнившись, я подровняла стопку самоделок и усе-лась на них, как на пенек. А ведь Мартин почти во всем прав. Еще до внезапного падения мне приснился самый вразвращенный из всех приснившихся, самый литературный из всех запомнившихся – настоящий пророческий сон, полыхнувший багрянцем грядущего вдохновения писательского ремесла. И увидела я как-то во сне ослепительное белое солнце и сияющее серебром бесконечное ртутное море. И подумала, что это хорошо. И запомнила я сновидение и записала его на бумаге. А потом еще и еще...

– Мартин, я вроде при тебе пересказывала Штольцу сюжет серебряного сна? Ты же рядом сидел и все слышал. Я, правда, тогда не думала, что сон можно рассматривать как основу для настоящего рассказа или даже романа. Максимум, на что меня хватило, так это написать несколько зарисовок. Пом-

---

²⁶ Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль».

нится, я даже читала вам вслух сборник под названием «Сны из-под подушки графомана». А потом рукопись пропала – не видела я ее больше.

– Вспомнила! Спрятал я рукопись от тебя подальше, чтобы больше не мучила нас со Штольцем образами ртутного моря из тысяч разбитых градусников. Я потом весь день боролся с желанием температуру померить, а Штольц не устоял. Своими глазами видел, как он таблетки от кашля глотал с градусником под мышкой. Пришлось подкинуть ему книжку с картинками «Сказки попугая», чтобы хоть как-то распотешить.²⁷

Мартин встал на задние лапы и, закатив глаза, заголосил, подвывая перед каждой точкой и запятой ржавым голосом умеренно смазанных петель от центральных ворот Летнего сада:

– «Этот легкий сон был наполнен звуками музыки – невестомой, как перышко колибри, выпавшее из витрины Зоологического музея от удара о стекло головы малолетнего орнитолога. Чудная мелодия с затихающей вдали трелью валдайского колокольчика пропала, придавленная тяжелыми сгустками тишины. Чу! Чуют добычу откормленные новгородские волки из темных углов подсознания. Зашумел полночный ветер, сбросил на подушку последнюю листву лысеющего мирового дерева из усадьбы Сергиевка. Листья, как обра-

---

²⁷ Хайдари Сайид Хайдар-Бахш. Сказки попугая (Тота Кахани) / Пер. с урду М. И. Клягиной-Кондратьевой. М.; Л.: Academia, 1933.

зы будущего романа, медленно кружились перед закрытыми глазами ли-те-ра-Тора, да, да – самого Тора с отбойным молотом», – или молотком?

– Мартин, только не обижайся, но когда тебе самому понадобится кому-нибудь пересказать собственные ночные кошмары – на меня не рассчитывай.

Голос предательски задрожал, и мне опять захотелось плакать. Я даже успела вытащить носовой платок из кармана, чтобы расправить его четыре лилейных крыла и уткнуться носом в теплую сухую сердцевину. Но ничего – справилась без платка, пристыдив напряженным молчанием мехового интригана. Мартин не отреагировал. Сегодня он явно был в ударе.

– Не угрожай – не страшно, я снов не вижу. Совсем. Устал, упал, проснулся отдохнувшим. Совесть чиста, и каждый день прибавляет сил, как растущая цифра на банковском счете преданных собутыльников демона Мурмура с отличным нюхом на левые денежные потоки. Зачем искать смысл в борьбе неутомонного разума с усталостью тела? И вообще, праведникам сны не снятся. Только не надо так морщиться – поговорки коту плохого не советуют. Это не я, а ты заснула после неудачных попыток навести дома порядок, а потом очнулась в старом автобусе с полукруглой, как нарезанные арбузные дольки, крышей.²⁸

Мартин завозился в кресле, и из его глубин заурчал вол-

---

²⁸ Японская поговорка.

нительный бас главного свидетеля одного чрезвычайного дорожно-транспортного происшествия. Такому правдивому свидетелю не то что в полиции, и на Страшном суде поверят.

– Итак, краткое содержание того, что произошло в одном странном-престранном сне после твоей битвы за чистоту жилых помещений. «Изношенный в хлам автобус двигался по сонному маршруту, пугая пассажиров тяжелым ходом и дребезжанием чего-то там технического на поворотах. Пыхтя от натуги и давясь бензиновыми парами, автобус карабкался по серпантину почти настоящей ялтинской дороги с полным брюхом потных, измученных жарой людей». Неужели тебе, Кара-тян, как начинающему литератору, не интересно поразмышлять о судьбах попутчиков, мысленно прорисовывая символы вечного логоса над их головами? Вот они все, голубчики, – на ладони твоей лежат.

– Мартин, ты что, всех запомнил? – прошептала я.

– Забывчивым друзьям на заметку – память-то у меня нечеловеческая. А у меня вот где они все. – Кот угрожающе оскалился и показал уже обе лапы с веером выпущенных наружу когтей: – Итак, праздничную колонну будущих персонажей возглавляет меланхолик Ларион Диманис, умеющий писать живыми красками и дружить с собаками. Дышит ему в затылок сбежавшая от кукольника Карла Бергнера манекенщица о трех головах и одновременно кандидат искусствоведения, царапающая наманикюренным коготком руку круглолицей располневшей медсестры из бывших ан-

гелов, наевшей бока при полном попустительстве любящего мужа – прямого потомка легионеров, проигравшего последний бой империи. Далее в конце колонны мелькает вечный жених с трясущейся от страха «как бы не оплошать» булавочной головенкой, за ним ковыляет ухарь-чернокнижник, несущий в руках светящийся кубик с надписью золотыми буквами внутри «Назад в СССР». Он подмигивает адвокату-горбуну в ботинках «Гуччи» на голую ногу и с серебряными литаврами в обеих руках. Мол, не стесняйся, ударь звенящим металлом по душевной тишине. Авось все и разбегутся. Ах, какие шикарные ботиночки отхватил адвокат – хорошенькая, но злая крошка со стола великана! Аж завидки берут. Вот это ботиночки так ботиночки! Мечта потомков Акакия Башмачкина из лучших присутственных мест города. О, как я их понимаю... – Мартин закатил глаза, перевернулся на спину и начал при помощи всех лап имитировать езду на двух велосипедах одновременно: – Еще в нежном возрасте, ковыляя по персидскому ковру, натоптанному не одним поколением семейства Оронтовых – Журавликовых, мечтал я слямзить из шкатулки маменьки полярника горсть восточных фамильных рубинов на гибкой цепочке. Как бы это историческое украшение с достоинством обнимало мою хрупкую шею с тремя золотыми волосинками крошки Цахеса поближе к пятому позвончику гибкой хребтины. ²⁹

---

²⁹ Three-Face Doll Bergner: В XIX веке кукольных дел мастер Карл Бергнер

– Первый раз про украшения слышу. Тебя что, Степа застал за примеркой дорогостоящего ошейника и в подземный переход поволок?

– Да, кстати, чуть не забыл. – Мартин сосредоточился и нехотя, но с наслаждением почесал лапой за ухом: – Vulgaire! Сплошное vulgaire и разгул неконтролируемых инстинктов в совершенном теле! Мюр-мюр без Мерилиза! А я, помнится, тоже вроде как умудрился в тот арбузный автобус запрыгнуть. Пожалуй, все же придется откопать из книжных завалов твою рукопись, чтобы не пропустить ничего важного.³⁰

Мартин еще раз кувыркнулся и, подпрыгнув вверх, на секунду завис в воздухе, чтобы с ювелирной точностью приземлиться на все четыре лапы. Классика жанра. Вскоре он вернулся из соседней комнаты со сплюсненной бумажной папкой в зубах. Мартин выглядел по-настоящему довольным. Только что, самостоятельно, он умудрился развязать при помощи зубов и когтей тугой узел в виде бантика из старомодных завязок:

– Держи рукопись и начинай читать. Авось что путное сможем выцарапать для сюжета нашего будущего романа.

– Может, и правда попробовать? Что я без толку все сочиняю про себя и в себе держу. Сочиняю, сочиняю, а потом

придумал новый кукольный образ с тремя лицами. Разработанный им механизм позволял поворотом специального рычажка менять выражение лица куклы, поворачивая ее голову.

³⁰ Как вульгарно (фр.)

ничего и вспомнить не могу.

– Вот именно. Не ты первая додумалась сюжетное ядро из сонного зерна выращивать. И давай, сил набирайся – теперь тебе хорошенько поработать придется. Одними снами тебе для сочинительства не отделаться, а я, как водится, присмотрю за порядком в нашем творческом хозяйстве.

Молчание – серебро

*После бури всегда тихо.
Японская поговорка*

На следующее утро после не очень удачного праздника окончания рукописи я приготовилась повторить полезный опыт чтения вслух. Ради совершенствования «Градо» стоило еще раз вспомнить подзабытые рассказы. Наверняка обнаружится что-то полезное для финальной главы, или я смогу отыскать еще пару-тройку ловких приемов для развития сюжета. Вот чего мне действительно не хватало в романе – так это действия. Настоящего действия. Непрерывной активности и каскада головокружительных поступков персонажей! Как правило, в молчаливых снах мои будущие литературные герои не разговаривали, а бегали без остановки от одного эпизода к другому. А в романе наоборот. Они говорили и говорили, забалтывая переживания, события, происшествия. Они не просто прогуливались по набережным Васильевского острова, берегам Финского залива, улочкам города Боровичи, а болтали, как заведенные механические игрушки, в изнеможении падая лицом в грязь, когда завод заканчивался. Общение с ними по ту сторону условного переплета, скажем прямо, выглядело однообразно и утомительно.

Нужный отрывок из первого рассказа под названием «Се-

ребряный сон» отыскался сразу, стоило только как следует распушить слежавшуюся пачку примятых листов. Я включила настольную лампу, поставила поближе к правой руке чашку горячего чая с утонувшим на дне нежным кусочком красного грейпфрута. Полная боевая готовность для чтения вслух.

– Начинай. Я на стриме. Или стреме? Как лучше сказать?

Мой соавтор раскрыл глаза как можно шире и с суровой мрачностью недреманного ока уставился на листы, испачканные выцветшими каракулями.

– Только вообрази, Мартин, что же я увидела, выглянув из окна автобуса с арбузной крышей. О, там было на что посмотреть! Не стоит лишний раз объяснять, что я вовремя, растолкав попутчиков, заняла самое удобное место в салоне. Около окна и рядом с водителем. В собственном сне мы всегда сидим – как главные герои – в партере на литерных местах. Пожалуй, начнем вот с этого абзаца...

Прищурившись, я попыталась разобрать бледные каракули с пружинками невнятных завитушек. Настольная лампа не помогла. Уж слишком полиняли за несколько лет чернила. Пожухли и выцвели плоды эксперимента с фамильной старинной перьевой ручкой фонтанирующего, когда ему захочется, вдохновения. Вдохновение испарилось, а ручка имела особенность разбрызгивать чернила каскадом клякс в конце сложноподчиненных предложений. Пришлось забраться с ногами на широкий подоконник и упереться линия-

лой рукописью в оконное стекло. Толком не разобрав первые предложения, я начала расшифровывать каракули скорописи примерно с середины листа:

– Наблюдаю, как за окнами плещутся волны. Какая-то незнакомая водная стихия. Что это? Средиземное море, северная река Печора, Чудское озеро?

– Даю подсказку. Это серебряная река. Такое простое название. – Мартин неожиданно подал голос.

– Не перебивай и слушай дальше! – отмахнулась я от чужих домыслов. – Кудрявое от мелкой ряби вневременное без географических привязок пространство тягучего серебра или ртути ослепляло сиянием жидкого металла. Не хватало еще ослепнуть во сне. Я ведь еще сплю? Сплю, конечно... Лучше бы повернуть голову в более безопасном направлении. Если это возможно. Хорошо, поворачиваю голову, и что же? На противоположной стороне дороги я вижу высокие, как стены крепости, скалы. Высокие, с еле заметными бороздками расщелин и верхушками в виде сточенных зубов хорошо пожившего крымского дракона. Мне пришлось постоянно запрокидывать голову, чтобы в промежутках между порушенными зубами хотя бы мельком увидеть небесные полосы перистых облаков, напоминающих узоры слоистого агата дождливо-петербургского оттенка, но без привкуса влажного тумана. На серо-коричневой поверхности скал едва заметны, и то если присмотреться, вспышки тусклых и холодных слюдяных искр между кустами пыль-

ных однолетников. Рассматривать унылые каменные создания мне неинтересно – скучноватое зрелище – и голова со скрипом, как дверь на тугой пружине, опять поворачивается к сияющему ртутному морю.

– Как огонь в камине – бока поджаривает, глаза слезятся, но так и тянет опять на пылающие поленья посмотреть. Вот и ворочаешься туда-сюда, пока не заснешь. – Мартин воспользовался ситуацией и демонстративно прикрыл глаза. Вроде, как наяву, иллюстрировал тяжелый отдых с поджаренными боками.

– Жидкий металл искрит, как при сварке, а я все равно смотрю – и плачу, плачу. Пока опять не отворачиваюсь. Уже в сторону салона с пассажирами. Сквозь мутную пелену слез вижу спящего на заднем сиденье кота по имени Мартин. Вот так сюрприз. Я даже не успеваю порадоваться присутствию друга. Пронзительное бибиканье в кабине водителя заставляет вздрогнуть. Мартин просыпается, зевает, оглядывается по сторонам. Я в нетерпении машу двумя руками одновременно, как взлетающая птица. Знаками приглашаю его присесть рядом, и кот вроде бы согласен. Он прыгает в проход между сиденьями, но подойти ко мне не успевает. Двигатель автобуса еще раз нутужно взревел, зафырчал, и тот жалобно скрипнул стертymi покрывками, не в силах сопротивляться крену в сторону ртутного озера. Я спиной чувствую, как автобус задевает боками о скалу, и колеса с резким присвистом скользят, скользят, скользят... Болтанка в салоне про-

должается на фоне многоголосья, напоминающего звучание хора в античном театре. Неужели я слышу голос рока? Удары о скалу раскидывают пассажиров по салону, и мы все вместе падаем с высоты. В последний момент успеваю схватиться за поручень, пытаюсь открыть окно. Только бы выбраться из ловушки. Поздно. Автобус с кричащим и воющим содержимым ныряет колесами наружу в жидкий прохладный металл. Окна тут же освещает подводный свет, похожий на северное сияние. Перед нами медленно открывается перламутровый занавес театра для будущих подводных жителей. Добро пожаловать в прекрасную страну навеки уснувших мореплавателей! За спиной слышен приглушенный звук. Будто пробку из бутылки вытащили при помощи штопора. Ш-ш-шпок! «Готово!» – закричали вокруг радостные голоса. Звук знакомый, смешной – страх исчезает. Окно разбито. Каков храбрец наш неизвестный спаситель! Мы спасены и можем покинуть место катастрофы, по цепочке выплывая наружу через отверстие в лобовом стекле. Первый глоток воздуха – мягкий, пронзительный, напоенный запахом свежесорванной розы «Баккара», перевитой влажной от капель духов Chat noir атласной лентой золотистого оттенка из набора королевских лакомств бельгийской фирмы «Годива». Не торопясь, укутавшись в букет ароматов, подплываю к берегу. Пробираясь меж камней, падаю на песок лицом вниз, не сгибая колен, как солдатик оловянный. Опасность миновала. Смаргиваю с глаз капельки прозрачного серебра и тут же

просыпаюсь.

– Мартин, а ведь описание катастрофы очень похоже на события из первого сновидения трезвого Лариона. Он плывет по кровавой реке со стаей обреченных птиц и не знает, увидит ли когда-нибудь берег спасения.

– Все так. Только пятна нефтяного во сне нет! С плывущими в его внутренностях черными блестящими птицами. Лично мне понравилось, как радуются на берегу пассажиры автобуса. Только смирились с неизбежным, как раз – и выбил кто-то железным или меховым кулаком стекло; – два – все спасены. «Воды ласковой Леты смывают с души испытанное, как следы на песчаном плесе». Что-то такое читал о Тибетской книге мертвых. Диманис тоже песком чистился. И тело, и душу.

– Кстати, сейчас как раз о судьбе кота Мартина можешь еще узнать что-то новенькое. Тебе интересно? Тогда слушай. «Сон. Просто сон. Должен исчезнуть из памяти при свете дня, но нет. Перед глазами всплывают эпизоды спасения и лица пассажиров автобуса. После пережитого я видела их в своем воображении более четко, ясно. Единственный знакомый – кот Мартин – исчез. Остальные нет. Попутчики с терпением и надеждой ждали меня на берегу. Я теперь знала все об их прошлом, настоящем и будущем. Будто мне подсунули их личные дела в подводном отделе кадров. Теперь при встрече я увижу их в любом обличье, узнаю по описанию и старым фотографиям.

Как же предусмотрительно я поступила, проснувшись с легкой, но все запомнившей головой! Тут же, не вставая с кровати, набросала обрывки эпизодов в блокноте и составила из набросков и впечатлений почти связный рассказ. На следующий день желание писать не оставило – пришлось вспомнить еще один недавний сон «Витрина со стеклянной дверью без ручки» о дружбе с собакой черно-белой масти, одетой в синий плащ с завязанными под брюхом концами, чтобы этот самый плащ не мешал ей бегать по пересеченной местности. А потом сны все вспоминались и вспоминались – разноцветными горошинками посыпались в рукописный кулек шуршащим потоком. Так постепенно я и наскребла не одну дюжину собственных рассказов для сборника.

Разыгравшееся воображение, как прожектор, высветило едва заметные, трепетные, тонкие, словно вырезанные из фольги сновидения. Они отбрасывали на завиток раковины бессознательного тот самый серебряный свет сердечной тоски и муки – предвестницы грядущих потрясений и трагедий.

– Все, теперь окончательно все. А кто не слушал и не танцевал с гимназисткой под грохот заготовленных снарядов для будущей бойни... – я с шумом и раздражением захлопнула папку с рукописью.

Мартин был вынужден отреагировать. Он чуть шевельнул кончиком хвоста и открыл глаза. По-видимому, он вовремя вспомнил основное правило безопасности для друзей –

баловников от словесности: «Обходите стороной дома, пораженные литературной проказой, где собираются почирикать о ремесле и пригубить свежеиспеченные опусы, разлитые по старинным хрустальным бокалам или керамическим стопкам „сувенир из Кунгура“». Стоит только кому-нибудь, а коты не являются исключением, переступить порог творческого лепрозория, как вас тут же загонят, как дичь, в угол жесткого дивана, похожего на лавку столыпинского вагона. Но это еще не все. Вас буду томить при помощи новых творений, как в деревенской печке горшок с молоком, пока жертва искусства не заснет, не потеряет сознание или не придумает приличный предлог для побега наружу за кофейной чашкой с первым глотком свободы.

В старом замке усадьбы дворянской
Расплескался серебряный свет.
На балу накануне Германской
Танцевал с гимназисткой кадет.³¹

---

³¹ Тухманов Д. Ф., Синявский П. А. Кадетский вальс. Альбом «Короли, и валеты, и тройки» (2016).

Кое-что о тщеславии как двигателе сюжета

*Румяное яблочко само себя хвалит.
Японская поговорка*

Итак, предполагаемая жертва, точнее, соавтор, без ропота вытерпел пытку чтением вслух. Я не глядя, с ленцой, поползла ладонью по столешнице в поисках чистого листа для заметок: «И где же моя дежурная пачка бумаги слева от клавиатуры?» Почему пальцы не застревают в привычных суконных ворсинках и зеленых проплешинах? И где же я нахожусь? Очередное перемещение в пространстве? Похоже, что так. Из-за постоянного аппетита соавтора пришлось мне постепенно привыкать к новому рабочему месту. Письменный стол скучал по мне в кабинете, а я скучала по письменному столу на кухне. Но при любых обстоятельствах возможны приятные моменты. Теперь не надо рысать по длинному коридору с горячей чашкой. Сделав три шага в сторону плиты, я зажгла огонь и поставила на рассекаТЕЛЬ выдавшую виды турецкую джезvu. Отлично. Топливо для движения мозга в нужном направлении готово.

– Что ж. Не скрою. Иногда я просыпался по собственной воле и желанию. – Мартин обеими ноздрями шумно втянул в себя воздух, напоенный кофейным ароматом. После это-

го он улыбнулся, да так продуманно, что идеальные боковые резцы сверкнули в свете лампы зигзагом перламутровой молнии: – Нет, серьезно. Если бы все было так плохо, я бы ворчал и ворочался не переставая. Ты же доверяешь моему литературному чутью?

– Конечно, доверяю, Мартин. Но я только что сама без твоего выразительного ворчания обнаружила потерянный ключ к образу достойного внука уважаемого Акакия Акакиевича. И как внучок умудрился стереть из нашей оперативной памяти все свои диалоги с выгодными клиентами в конце четвертой главы?

– Нога, обутая в туфлю с пряжкой цвета античного золота в виде пчелы на красно-зеленой ленте, на секунду зависла в проходе и подсекла, с ловкостью опытного игрока в крикет, ногу пассажира в мятой шляпе и галстук-селедке, скользющему по вороту просторной рубахи в цветную клетку шотландского клана Сазерленд. Неужели потомку бывшего шаутбенахта Балтийского флота предстоит позорное падение в воображаемом автобусе? Несчастный, споткнувшись, потерял шляпу, рухнул, как подкошенный, лицом вниз и покатылся по проходу между креслами, постанывая от каждого толчка.

– Точно! Все свидетели его падения тут же, как по команде, отвернулись. Пассажиры с повышенным интересом, ни на что не отвлекаясь, следили за легкой зыбью серебряных волн. А одинокий и не обласканный вниманием плакса в кле-

точку все катился себе по проходу, как выброшенный за окно котенок, привычно пристегнув колени к подбородку, царапая ногтями дерматин обивки пустых сидений. Последний Сазерлендов отпрыск глухо стонал и оплакивал свою протухшую чечевичную похлебку. Ах, мой милый беспомощный котик! Никому-то ты не нужен. К счастью, адвокат, подстроивший падение, не успел спрятаться, и мы смогли его обнаружить. Помощь подоспела откуда не ждали. Лиза, бедная Лиза! С опрокинутым лицом неслась навстречу неприятностям. Хотя Савелий Орлик и подался от авторов в бега – но очаровательную Лизу не обманешь. Вытащила аманта за ушко да на солнышко.

– А я так мечтал, чтобы мизансцена «упал Егорка с высокой горки» была написана без лишних эмоций и при помощи вовремя подвернувшегося под руку адвоката Савелия. – Мартин погрузился в воспоминания и замолк. Я понимала его чувства. Мы уже давным-давно решили писать о самых трагических происшествиях как бы со стороны, отрешенно, чтобы у самих авторов сердце внутри не разорвалось.

– А Орлик спрятался. Скажем прямо – подвел. Пробормотал что-то о помощи Диманису и Лизе. Шок клиентов не помеха для опустошения их кошельков. Таков он, Савелий Орлик, – тихоня себе не в убыток, мистик из семьи потомственных маркшейдеров с Васильевского, астроном-любитель и педант. Поди найди еще такого юриста, имеющего родственников среди аборигенов Австралии и музицирующего

на флейте фавна во время перерывов в судебных заседаниях. После нашего расследования беглец просто вынужден вернуться в роман и зажить в нем полнокровной жизнью – хочет он этого или нет.

– Отлично. Но скажи честно, Кара-тян, я, действительно, в твоём сне был так же неотразим, как в жизни?

– Даже лучше. Не хватит эпитетов для описания силы воли черного барса во время его падения вместе с автобусом в пропасть. Единственное внятное слово, выпрыгнувшее из аварийного транспортного средства, звучало как воинственный клич. Банзай! И, по-моему, это ты, Мартин, его выкрикнул .

– То есть я не мяукнул: «Караул! Все пропало!»

– Подозреваю, что только тебе и удалось стекло выбить. Хочешь, прочитаю последний абзац из черновика?

Вид Мартина не вызывал сомнения. Он жаждал услышать продолжение истории.

Я еще раз открыла бледные страницы и прочитала следующие строки:

– Ровно посередине коричневого дивана в последнем ряду пассажирских сидений лежал мой знакомый кот Мартин. Каждый волосок его антрацитовый шкуры дышал покоем – барс отдыхал, расслабив совершенные формы передних и задних конечностей. Одна из его лап вздрогнула, ослепив сверкающей волной холеного меха. От зверя исходило планетарное сияние неизвестных астрономических

объектов и утонченный аромат перегретых солнцем цитрусовых, выпавших из чьей-то дорожной сумки. Настоящий душистый почетный эскорт вокруг совершенного создания природы. Черное и золотое на потертом дерматине сидения. Зрелище удачно дополнялось блеском перламутровых когтей и золотом усов с крупными алмазами прозрачных слез, танцующих на кончиках сверхчувствительных антенн вокруг пропасти с ребристым небом и острыми жемчужными зубами по краям.

– Отвратительно, безвкусно, но впечатляет, – Мартин одобрил панегирик, но усомнился, что кто-то кроме него дочитает такой отрывок до конца.

– Никто не увидит. Мы же черновик читаем. – Я отложила бумаги в сторону и приготовилась глотнуть кофейного пойла из недавно подаренной студентами чашки с оранжево-черным хищником на боку и надписью рубленой латиницей Preangston.

– Погоди расслабляться, – Мартин сердито посмотрел на мою скривившуюся физиономию – напиток явно мне не угодил. – Одними ранними рассказами нам, Кара-тян, не отделаться. Скажи честно, мы будем использовать в окончательном варианте текста достижения и опыт исследований твоей подпольной лаборатории?

– Запрещенный прием, Мартин. Лучше помалкивай про то, о чем почти ничего не знаешь, – пришла моя очередь рассердиться: – Выходит, ты почитываешь на досуге дневники

чужих научных наблюдений? И даже не скрываешь этого?

– Не без того, – с вызовом ответил любитель тайных исследований: – И у меня есть одно условие для продолжения совместной работы, но об этом чуть позже. А сейчас я готов дать клятву богине Бастет никогда никому и ничего не рассказывать о сотрудниках секретной лаборатории. Зачем? Все равно никто не поверит в реальное существование книжного червя Агафоно-сан, библиотечной крысы Мими Савраскиной и музейного ящера Тарасика. Бр-р-р! Особенно это относится к колоритной интеллектуальной образине прямого потомка Годзиллы, пропахшей порохом из бочек арсенала графа Ростопчина. К его зловещему облику я до сих пор привыкнуть не могу.

Заповедник «Сергиевка», да не один ³²

*День, когда задумал, и есть счастливый день.
Японская поговорка*

– Хватит, Мартин, по креслам валяться. Ты готов с азартом и бодрым настроением приступить к настоящим полевым исследованиям в области литературы в качестве стажера научной подпольной лаборатории? Все. Уговорил. Принимаешься в штат, но с испытательным сроком. Кстати, как ты ехидничал, «интеллектуальная образина» по имени Тарасик Бильбао передает новому сотруднику наилучшие пожелания – держи открыточку. Тарасик сам для тебя ее нарисовал – сам и подарил. А остальные исследователи пока более сдержаны в проявлении чувств.

Теперь уже я прижала Мартина к стене позора:

– Не притворяйся. Все ты слышишь – уши пляшут от каждого слова. Вставай с кресла и бегом к новым научным вершинам!

– Как с ящером неудобно-то получилось. Выходит, что

---

³² Дворцово-парковый ансамбль в Петергофе, бывшая усадьба Лейхтенбергских, памятник истории и культуры, памятник архитектуры XIX века федерального значения, входит в состав объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников». Парк усадьбы – памятник природы регионального значения, на территории которого расположен Биологический институт СПбГУ.

Бильбао подобно лотосу, что в болоте растет, а белый? ³³

– И белый, и пушистый, и творческий. Сама доброта.

При помощи умело разожженного костра любознательности и обещаний показать коту то, не знаю что, но очень интересное, мне удалось выманить стажера из духовитой кухни в прохладную полупустую гостиную. Ее малиновые стены в цветочную бежевую скоропись были украшены просевшим под тяжестью книг длинным стеллажом и несколькими шкафами под потолок, набитыми зачитанными до полной растрепанности каталогами выставок и альбомами по искусству. Не без труда дотянувшись до верхней полки, я вытащила из второго ряда нужное издание и, усевшись на диван, призывно похлопала по мягкой подушке: «Присаживайтесь, стажер!» Все условия для кота были полностью соблюдены – теплый и яркий источник света над головой, полуоткрытая дверь в коридор для слежки за всем происходящим снаружи и мягонькая подушка под меховой бочок.

– Ты прав, Мартин. Пора рискнуть ради романа душевным покоем. Давай хотя бы раз попытаемся отбросить куда подальше острые камни стереотипов с нашего творческого пути. А вдруг, скользя по чавкающей жиже непознанного, мы сможем отыскать сухую кочку, чтобы дух перевести в болоте творческой неопределенности? И нам есть у кого поучиться изящной болотной изворотливости. Не перевелись еще настоящие проводники в мир вселенской изменчивости.

---

³³ Японская поговорка.

Оцени – прямо перед тобой лежит не просто толстая книга с картинками, а отчет об экспедиции длиной в жизнь одного из первопроходцев символического пути. Вот и пришло время познакомить тебя с творчеством художника Аксели Галлен-Каллелы.

Мартин не возражал. Лишь шевельнул левым, а потом правым ухом по очереди и с видимым удовольствием царапнул отполированным когтем кожаный переплет неопределенного мышинного цвета. Вроде как автограф оставил. Старинный альбом во владельческом переплете, лежащий перед нами, был почти случайно куплен в небольшой антикварной лавке недалеко от музея современного искусства в Хельсинки. Через два дня после удачной покупки я заехала по маршруту куда глаза глядят в Тарваспя, подчинившись воле симпатичного указателя на обочине дороги в виде длинного пальца с синим ногтем, советовавшего держаться нужного направления и никуда не сворачивать: «Ступайте по дорожке из желтого кирпича и ничего не бойтесь». Увидев на горизонте силуэт предсказанного указателем игрушечного замка, я испытала неожиданный приступ морока, наваждения, оптической иллюзии, а может быть, истинного знания, что здесь я когда-то уже успела побывать. Причем не один и не два раза. Предчувствие с настойчивостью проверенного рунного става с руной Альгиз во главе подсказывало, что в парке усадьбы и мастерской художника мне надо приготовиться к настоящим превращениям. И они не заста-

вили себя долго ждать.³⁴

Поднимаясь по главной лестнице дома, я услышала из мастерской глухой рык загнанного в угол хищника, затем оттуда же послышался грохот, будто свалился цветочный горшок с подоконника, а потом под дверью раздались неторопливые через паузу звуки ритмичных ударов барабанных палочек, стучащих по первой попавшейся деревянной поверхности. Мелодия походила на звучание народного музыкального инструмента или негромкую мелодию хлопающей форточки незакрытого в ветреную погоду окна. Я невольно остановилась и, чутко, по-звериному прислушиваясь к одушевленному многомерному пространству, продолжила движение вверх медленным крадущимся шагом в такт ударов барабанными палочками. А потом наступила полная тишина. Казалось, в доме все замерло и остановились все часы. Где я? В африканском безлюдье или добропорядочной умытой Финляндии? Приближаясь к закрытой двери мастерской, я ощутила, как наяву, жар непогасшего вдохновения и гудящего внутри помещения костра с высоким пламенем до потолка.

Я оглянулась на соавтора за одобрением рассказа, но не почувствовала, что кот в восторге и с нетерпением ждет продолжения. Скорее, наоборот. Мартин излучал покой и полное равнодушие. Что ж, придется поднажать

---

³⁴ Музей художника Аксели Галлен-Каллелы (1865—1931) в доме, который он сам спроектировал и построил.

на эмоции – мне не привыкать силой заставлять упряма стать участником событий в мире реальных фантазий:

– Ты только представь, Мартин. Захожу в чужую мастерскую и едва не падаю от головокружения после первого же глотка разреженного воздуха полуденной саванны. Кто хоть раз глотнул этой опасной марсианской свежести – никогда не забудет. Дышу – не могу остановиться. Вроде как к батарее чугунной щекой прижалась и чувствую рядом дыхание огненной змеи с чешуйками раскаленной краски. Голова закружилась. Что мне оставалось делать? Подбегаю к окну. Пока никто не видит, открываю форточку и с жадностью наполняю себя свежестью, наблюдая, как, сопротивляясь моему взгляду, тянутся вверх деревья, не забывшие никого из обитателей усадьбы, а около крыльца резвятся дикие звери, чьих родителей подкармливал художник по утрам. Стекла стучат о рамы – птицы бьются крыльями в окна, а мифические рукотворные создания, живущие в парке, пугают одним своим видом случайных гостей... – Закрыв глаза, я представила тропинку недалеко от дома и себя, идущую навстречу существу, похожему то ли на голодного крокодиловолка, то ли на змея с двумя отрубленными головами. – Ты слышишь меня? Опять задремал?

Мартин несколько раз покачал головой, но глаза не открыл:

– Вот так ярко ты рисуешь словами обитателей усадьбы. Вижу, как наяву.

– Ты, Мартин, вряд ли можешь представлять с закрытыми глазами то, чего никогда не видел. Речь пойдет о встрече со стражами усадьбы. Я их в Сергиевке только после посещения парка у дома художника смогла увидеть. Итак, гуляла я по усадебному парку, гуляла... Музей уже вот-вот должен был закрыться, и все вокруг замка успокаивалось, затихало и вроде как готовилось отдохнуть от посетителей. А моя прогулка внезапно омрачилась острым покалыванием в затылке. Непривычное чувство. Наваждение. Будто у меня на голове японская прическа на три уровня со шпильками и одна из самых острых царапает и царапает шею... Только это не шпилька оказалась, а чей-то острый взгляд. Чужой взгляд. Я почувствовала, а может, и почуяла, что за мной кто-то наблюдает. Растирая шею, остановилась, завертела головой по сторонам и увидела диковинную скульптуру на самом отдаленном перекрестке тропинок. Тут-то я и столкнулась лицом к лицу со стражем усадьбы из сухих веток.

– Лицом к морде. Не беги впереди эволюции.

– Пусть так. У зверя была вытянутая морда с острыми зубами в пасти, безразмерный нос и круглые близко посаженные глаза, а вместо коротких ресниц прямо из глаз струилось тело могучей рептилии без шеи, конечностей и хвоста. Как тяжелые воды реки с медленным течением, проплывало тело из веток мимо меня. В оскаленной пасти чудовища горел неяркий мерцающий огонек, похожий на свечу. Самый настоящий свет уже знакомого тебе римского светильника

из усадьбы нераскрытого лотоса Сергиевки. Как эта освещенная внутри фигура приползла из пригородной усадьбы герцога Лейхтенбергского? Что это – создание из бестиария художника или обычное садовое украшение? Я без боязни погрузила руку в открытую пасть, попыталась достать рукой до розового язычка пламени и вырвать из внутренностей зверя огненный магнит, притянувший меня в приграничье кустов с длинными колючками.

– Только не бросайте меня в терновый куст, – истошно завопил Мартин и начал отбиваться всеми четырьмя лапами от воображаемого врага.

– Не брошу, не брошу, не брошу... – я закрыла альбом и подошла к окну, повернувшись спиной к соавтору: – Значит, не хочешь меня услышать? Я тебе со всей искренностью пыталась рассказать про встречу со стражем вдохновения, а ты даже на картины из каталога взглянуть не хочешь.

– Да ладно. Мне эту книгу и раскрывать лишний раз не надо. Пустое. Чиркнул по переплету, и готово. Все чувствую, осязаю и ведаю. И к чему готовишь меня, в качестве послушного стажера, догадываюсь.

Мартин оттолкнул книгу задними лапами, фолиант с грохотом рухнул на пол, а соавтор как ни в чем не бывало перевернулся и принял обычную позу внимательного слушателя:

– Забей на утомительные исследования – тебе молоко от коровы Аудумлы за вредность не подадут. И в мою пасть за огнем или колючкой залезать не надо. Я в стражниках

не числюсь, не играю в запретные игры, никого не вдохновляю – просто помогаю тебе ориентироваться на опасной местности. Задание у меня такое. И вообще, пора отдохнуть от всяких разговоров, мешающих здоровому пищеварению. Пошли к холодному ельнику.

Штурм замка ягуара ³⁵

*С тем, кто молчит, держи ухо востро.
Японская поговорка*

Неоконченный разговор с Мартином, как заноза в пальце, мешал мне сосредоточиться на чем-то ином. Я ждала удобного момента, когда смогу его продолжить и задать соавтору пару важных вопросов. От того, как он ответит на них, зависело наше общее литературное будущее. После поездки на выходных в Сергиевку кот прекратил игру в молчанку, размяк и делал вид, что у нас с ним все по-прежнему и нет разногласий. Ну что ж, я, наконец, решилась.

В заповеднике мы вместе со Штольцем рассмотрели со всех сторон Помпейскую виллу, построенную архитектором Штакеншнейдером, не упустили случая исследовать руины домово́й церкви – Штольц даже в подвал протиснулся! Правда, испачкался с ног до головы. На посошок мы не забыли сфотографироваться втроем на фоне огромной каменной головы, описание которой занимало в романе так много места. На фотографии мы выглядели рядом с печальной головой великана радостными и довольными жизнью. И Мартин не был исключением. Общий разговор чуть коснулся моих впечатлений от прогулки в усадьбе Галлен-Каллелы, и когда

---

³⁵ Тактический прием при игре в японские шахматы Сёги.

в электричке Штольц, не проявивший к предмету разговора должного интереса, задремал около окошка, мне уже никто не мог помешать помучить моего соавтора откровенностью:

– Я ведь про финскую усадьбу не случайно с тобой заговорила. Веришь ты в это или нет, но именно там я убедилась, что Сергиевка не единственный природный ковчег. Существуют и другие заповедные места, где обитают те, кто помогает творить писателям и художникам. Но самое важное знакомство с таким помощником произошло у меня в мастерской художника. Я же тебе не все успела рассказать. Представь, что я почувствовала, когда дверь в мастерскую открылась и я увидела стоящий в центре почти пустого помещения мольберт. На него поставили лицом к посетителю картину большого формата. Как будто вчера на ней был изображен во весь рост красный ягуар. Свободный, яростный, в самой яркой поре всесилья. С полотна на меня пристально смотрел зверь с телом, пульсирующим оттенком свежей, еще не пролитой на землю крови.

– С него что, с живого шкуру умудрились содрать?

– Да нет же. Ягуар был закутан в багряные закатные лучи. Художник знал, что и как изображать. Он путешествовал по Африке, охотился на крупного зверя, изучал их повадки. Этот ягуар был совсем не похож на добычу. К тому же я помнила, что у художника есть еще одна картина с портретом, если можно так сказать, того же самого зверя. Представь, по центру картины на земле изображен лежащий ягу-

ар, привязанный к бамбуковым шестам. Лежит неподвижно, вокруг него столпились охотники – он пока еще существует в одном мире с теми, кто его в мыслях уже разделал на части, как ценный трофей. Так вот чем отличается действительность от идеала! Ты лежишь на земле со скрученными конечностями, а художник пожирает глазами твое тело – как свидетель будущей казни. Но проходит время, и все меняется. Художник создает на холсте твой истинный образ. Теперь ты не просто зверь, а повелитель человеческих снов, каждый день смотрящий в глаза своего творца, постепенно превращаясь в такое же мыслящее существо, как и он сам.

Я собралась с духом и задала коту тот самый вопрос:

– Мартин, несколько месяцев назад ты по своей воле ввязался в довольно опасное дело. Вышел на тропу борьбы со своей природой. Вынуждена признаться, что я тоже стою на линии огня и терплю поражение за поражением. Иногда мне кажется, что это не я пишу роман, а он сам создает для меня и тебя нужную для его существования реальность. Только о чем-то важном поведаешь миру шепотом – и бац! – событие тут же и происходит. Выходит, все это время я занималась программированием собственной судьбы? А может быть, и твоей?

– Не продолжай... И так наговорила лишнего.

– Тогда не изображай из себя всего лишь моего молчаливого помощника. Это не так. Ты – соавтор, и без тебя я просто сидела бы за пустым столом и играла в Сёги сама с собой.

Ты один все время рядом. Почему? Неужели при помощи самосовершенствования ты хочешь превратиться в человека или хотя бы обрести над близкими тебе людьми власть красного ягуара?

– Ты сейчас как корова с мушкетом, которая сделала удачный выстрел и обожгла передние копыта порохом. – Мартин повернулся ко мне спиной и подчеркнуто равнодушно завожился с подушками на диване.³⁶

Я обиделась за корову, засопела, пытаюсь сделать освежающий глоток уже непонятно чего из пустой кружки:

– Про корову слышать обидно, хотя сравнение полно смысла не только для Оруэлла. Ладно, можешь не отвечать. Выходит, мне только показалось, что мы единомышленники? А как еще, не доверяя друг другу, мы сможем писать продолжение истории Диманиса? Для второго тома хотя бы план вместе составили. А вот третья часть островной истории – пока непознанная тема. Интересно, почему я сказала «островной»? Остров? Островная? Как же долго я не вспоминала о тебе – поселок Островная! Йоканга далекая, привет тебе! Я еще не рассказывала тебе, Мартин, о жизни будущих героев, обитающих на побережье Белого и Баренцева морей? Не успела. Только сейчас, при вспоминании о красном ягуаре, у меня какая-то подстройка на знакомство с ни-

---

³⁶ Поэтесса Рут Питер назвала «коровой с мушкетом» писателя Джорджа Оруэлла, который показывал ей свои литературные ученические эксперименты. Факт приводится по: Коэн Р. Писать как Толстой. Техники, приемы и уловки великих писателей. М.: Альпина Пабlishер, 2018.

ми произошла. Проявился пока еще не очень отчетливый образ главной героини или героя будущей книги «Ветер Йоканги».

Я вытащила из сумки блокнот и свой чудом сохранившийся школьный цанговый карандаш с толстым грифелем, послушно прорисовывающий самые сложные узоры образов, возникающих в воображении.

— Героем третьего романа хотелось бы увидеть коренного жителя Кольского полуострова. Север! Волшебный край! Там все возможно воплотить!

— Согласен. Отличный ход. Я никогда не жил на Севере. Уж ко мне это определение точно не относится. Там полно своих мудрецов.

— Где это ты про них вычитал?

— Нигде не вычитал и читать не собираюсь. Рад, очень рад, что меня пока оставят в покое с непонятным мне сюжетом. — Мартин, забыв обиды, одним прыжком вскочил с места и скользнул в переноску, успев на секунду прижаться к моему плечу и зацепить влажным носом локоть: — Мюр-мюр-мерилиз! Вещай, Кара! Запомню все до последней запятой...

— Положим, будущий герой обитает на Кольском полуострове. В поселке или в какой-нибудь пещере напротив острова Витте. Сергей Юльевич добрался до края земли, а почему мы не сможем? А некое умное, но пока не известное нам животное уже давно живет там себе потихоньку. Никому

не мешает, на людей не нападает и радуется природной стихийной магии. Оно, это самое животное, должно отличаться хорошим здоровьем, инстинктами выживальщика и необычными способностями. Однажды наш герой захотел стать человеком, или наоборот – расскажем историю о человеке, познавшем власть духов тундры. Или оба героя появятся в новом романе вместе? Противостояние протагониста и антагониста среди действия персонажей из первого романа. Куда мы денемся от Диманиса, Гришки-самозванца, Кантакузина и Цербера? Смотри, как интересно получается. В романе «Градо» последний эпизод перетекает в эпилог романа, где рассказывается об одном приграничном городе Ленинградской области и местных героических голубях, упомянутых в первой главе уже второго романа «Сланцы подземные». Выходит, что нам пора подумать, как в конце последней главы второго романа будут действовать герои следующего. Мартин, ты согласен? Нет? Молчу, молчу, молчу...

Космическая битва Солнца по имени Пейве и Луны- матушки, что светит, да не греет

*Хорошо, придя из тундры,
Чай покрепче заварить,
После всей дороги трудной
Груз усталости свалить...*
Октябрина Воронова

– Не знаю ничего и знать не хочу о третьем романе. Лучше скажи, что из блокнота за существо с оскаленной пастью лапы к нам тянет?

Мы сидели с Мартином на подоконнике между пролетами черной лестницы и рассматривали листы, перечеркнутые вчерашними каракулями.

– Сама пока не понимаю. Рисую себе, а из памяти книги о Севере выплывают – двухтомник Тихона Семушкина, каталог работ выпускников ИНСа, альбом работ Тыко Вылки, Панкова, Андреева... Помнишь, у меня на полке книга стоит – сразу и не найдешь – о художниках Севера с автографом автора? Еще каталог живописи из коллекции музея Арктики и Антарктики, монография о камнерезном искусстве... Не стоит пренебрегать и собственными художественными работами с пейзажами, а также личным опытом на-

блюдения за природой и нравами людей Севера. Так вот же кого я нарисовала! Как я умудрилась так долго не вспоминать ту самую, единственную знакомую мне росوماху родом с Кольского полуострова. Только сейчас поняла, что она тоже стремилась стать человеком. Просто не говорила о своих желаниях, а делала все, что положено. Молча. И у нее все отлично получалось! Своими глазами видела превращение. Не раз и не два.³⁷

– Ну-ну... – соавтор был настроен скептически.

Весь минувший день Мартин выглядел расстроенным и несчастным. Моя вина. Не стоило так сразу вываливать на него ворох неоформленных мыслей о круговороте мыслящих существ в природе. Надо беречь хрупкие дары судьбы – не каждому удастся встретить соавтора будущих книг в своем собственном доме. Беречь воспоминания. Хрупкие воспоминания. И, кажется, я вот-вот совершу открытие, вернее, открою дверь образам третьей книги и нащупаю путь к моему северному дому, где подруга Ксения может при помощи бубна, похожего по размеру на обыкновенный резиновый мяч с полосками, как на чаше Кагуяма, приманить ту самую бесстрашную росوماху-перевертыша. Не только приманить, но и уговорить ее пообщаться с нами, на вопросы ответить и в гости напроситься в ее подземную пещеру. Получалось же раньше. Всего три прыжка, и я на месте. Васи-

---

³⁷ ИНС – Институт народов Севера. Создан в 1925 году. С 2001 года – Институт народов Севера при РПГУ.

льевский остров – поселок Островная – и наш с Ксенией остров в три прыжка от побережья Белого моря. Три прыжка – и опять мы вместе – бредем втроем к побережью, искать следы пропавшего Геня места – золотого оленя – в безлюдной тундре. Ничего еще не закончилось. Они все еще помнят обо мне. И зовут? Зовут. Нельзя больше медлить.

Росомаха выходила к нам несколько раз, когда мы с Ксенией убегали в тундру подальше от взрослых. «Ну их. Ходят по кругу, жалуются на жизнь и не делают ничего, чтобы себя, а не жизнь изменить. Как можно? Почему не учатся говорить в молчании? – удивлялась Ксения. – Вот смотри. Один переход, и мы в тундре, а здесь тихо, можно жизнь менять без всяких разговоров и за битвой солнца и луны наблюдать с самого высокого камня». И я была с ней полностью согласна. Кто же за битвой не захочет понаблюдать из каменного укрытия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.